

**Харабет К.В., профессор Военного университета,
полковник юстиции запаса**

**ЮРИДИЧЕСКИЙ МИР ДРАМАТУРГА
А. Н. ОСТРОВСКОГО**

**Путь к честности указывает нам чистая
совесть, а к правоте – закон.**

*Из речи первого председателя
Московского коммерческого суда
С.И. Любимова, произнесенной при
открытии суда, 1833*

Предметом настоящего литературно-правового исследования являются жизненный путь и творчество крупнейшего отечественного драматурга, создателя репертуара национального драматического театра России Александра Николаевича Островского (1823–1886). Отображая в своих бессмертных произведениях все стороны современной ему российской действительности, представив галерею реалистических образов, Островский не мог пройти мимо тех явлений, которые в той или иной степени связаны с правом, юриспруденцией. На протяжении всей жизни судьба сводила его со многими видными представителями юридической России, юристами были многие его родственники, да и самому ему, по-видимому, было уготовано поприще адвоката, хотя сложилось все по-другому. Возможно, благодаря этим связям, драматург, обращаясь к правовой тематике, демонстрируя незаурядную юридическую осведомленность. И не только осведомленность. Нравственная и социально-правовая составляющие его лучших произведений были и остаются необычайно актуальными. Многие произведения А. Н. Островского с

неизменными аншлагами идут в театрах современной России («Лес», «Бешеные деньги», «Не было ни гроша, да вдруг алтын» (Малый театр), «Доходное место» («Сатирикон»), «Последняя жертва» (МХТ им. А. П. Чехова) и др.

Жизненный путь и творчество А. Н. Островского нашли отражение в фундаментальном исследовании крупнейшего отечественного литературоведа, сподвижника А. Т. Твардовского по «Новому миру» Владимира Яковлевича Лакшина, в многочисленных трудах профессора Александра Ивановича Ревякина, а также работах М. П. Лобанова и др. К правовой тематике в жизни и творчестве А. Н. Островского обращались известный отечественный криминолог профессор А. И. Алексеев, юрист и литератор В. Д. Сысоев; специальное внимание московским юридическим связям драматурга уделил в одной из своих работ А. И. Ревякин. Из серьезных публикаций последнего десятилетия необходимо упомянуть монографическое исследование В. И. Мильдона «Философия русской драмы: мир Островского» (М., 2007), а также издаваемые под научной редакцией профессора И. А. Едошиной материалы (сборники статей) возобновившихся в 2000 г. ежегодных Щельковских чтений, в которых принимают участие многие крупнейшие ученые, музейные работники и литературоведы – специалисты по творчеству Островского. Автор также считает необходимым напомнить и присоединиться к авторитетному мнению В. Я. Лакшина о том, что «в биографии Островского до сих пор немало белых пятен, загадок, неясностей, сомнительных дат, предположительных построений. Многие из текстов Островского (прежде всего, что касается его переписки) безвозвратно утрачено».

Лейтмотивом всего творчества, профессиональным кредо Островского могут послужить его слова, объясняющие замысел и содержание одной из самых знаменитых сто пьес «*Свои люди – сочтемся!*»:

«...Основной мыслью было желание, чтоб порок был смешон и гадок и чтоб торжествовали: добро, правда и закон».

Будущий великий русский драматург Александр Николаевич Островский родился в Москве 31 марта / 12 апреля 1823 г. Его отец – Николай Федорович Островский (1796–1853) – успешно обучался в семинарии, а затем в Московской духовной академии, которую в 1818 г. окончил со званием кандидата. Через год он устроился на гражданскую службу, получил чин губернского секретаря и был определен в общее собрание Московских департаментов Сената. В 1824 г. Островский-старший был уже секретарем при обер-прокурорских делах департамента Сената, а в следующем году получил чин титулярного советника и перешел из канцелярии Сената на должность секретаря первого департамента Московской палаты гражданского суда.

Мечтая о собственном доме, Н. Ф. Островский занялся частной юридической практикой – в качестве стряпчего вел дела купцов и мешан. Также он часто председательствовал в громких делах, связанных с конкурсным управлением в случаях банкротств. Современники отзывались о нем как об «очень просвещенном человеке». (А. Н. Островский с раннего детства много читал – у отца была большая библиотека.) Сохранившиеся письма Островского-старшего характеризуют его как великолепного знатока законов, в частности земельного и наследственного права, и процессуальных правил их применения.

В 1836 г. Н. Ф. Островский был пожалован знаком отличия «15 лет беспорочной службы» и получил чин коллежского асессора.

В 1831 г., когда Александру Островскому не было и девяти лет, умерла после тяжелых родов его мать – Любовь Ивановна; отец остался с шестью детьми на руках. Младшие девочки-близнецы, Надежда и Вера, вскоре умерли. Николаю Федоровичу пришлось одному воспитывать троих сыновей и дочь, к тому же много сил и времени он по-прежнему отдавал службе.

Его частная практика была, однако, на подъеме, круг клиентов ширился, и материальное благополучие семьи росло. Вскоре Островский-старший купил два новых дома на Житной улице. Понимая, что детей пора обучать грамоте,

Николай Федорович нанял, как было принято в ту пору, учителей-семинаристов. А в сентябре 1835 г. он подал в Московскую губернскую гимназию прошение принять туда его старшего сына – Александра.

С 1835 г. по 1840 г. Александр Островский обучался в первой Московской губернской гимназии. Учился он неровно, способностями не блистал, редко сидел на передних партах (ученики в ту пору рассаживались в соответствии с успеваемостью). По дошедшим до нас свидетельствам, учителя относились к юному Островскому скорее как к ленивому и рассеянному ученику. Но были у меня и любимые предметы. Будущий драматург проявлял интерес к таким наукам, как Закон Божий, история, статистика, география; неплохо давались ему и языки (латинский, французский, немецкий). Попечителем Московского учебного округа в то время был граф С. Г. Строганов, который целенаправленно улучшал условия обучения, поднимал дисциплину, поддерживал молодежь.

После сдачи выпускных экзаменов Островский планировал поступить на словесный (историко-филологический) факультет университета; никто из его товарищей по гимназии в юристы не шел, да и ему эта профессия была не по душе. Однако авторитет отца, желавшего, чтобы сын пошел по родительским стопам, оказался сильнее.

В сентябре 1840 г. А. Н. Островский был зачислен в Императорский Московский университет на юридический факультет. На первом курсе он учился старательно и даже с увлечением, показав хорошие результаты на экзаменах по энциклопедии законоведения и истории российского законодательства. Особый интерес молодой студент проявлял к богословию, русской словесности и языкам.

На курсе Островского вели занятия П. Г. Редкин (энциклопедия законоведения), Д. Л. Крюков (древняя история), славянофил Ф. Л. Морошкин (история русских законов), Н. И. Крылов (римское право), М. П. Погодин, запомнившийся студентам лекциями по российской истории и комментариями

трудов Н. М. Карамзина, а также молодые славянофилы – историк Т. Н. Грановский и филолог С. П. Шевырев.

В университете А. Н. Островский познакомился с профессором Василием Николаевичем Лешковым (1810–1881), позднее – цензором университетских изданий, хорошие отношения они поддерживали всю жизнь.

Весной 1842 г. студент Островский экзаменов не выдержал и остался на втором курсе. В мае 1843 г. Александр Николаевич подал прошение и был уволен из университета. По одной из версий, основанием для увольнения стала «единица» по римскому праву, полученная в мае на экзамене профессора Крылова. Не лишено оснований и предположение, что на уход Островского из университета повлияло то обстоятельство, что Крылов стяжал себе славу мздоимца (спустя несколько лет это было доказано и привело к увольнению педагога). По словам Л. И. Постниковой, директора Дома-музея А. Н. Островского на Ордынке (филиала ГЦТМ им. А. А. Бахрушина), нелюбовь А. Н. Островского к юриспруденции осталась на всю жизнь; он хорошо разбирался во многих правовых вопросах, однако юристов и юридическую профессию особо не жаловал.

Как бы то ни было, отец Островского похлопотал о том, чтобы Александра, не имеющего даже первого классного чина, приняли на работу в московский Совестный суд, о котором следует сказать особо. Ко времени прихода Островского это учреждение, созданное еще в 1775 г. по высочайшему повелению императрицы Екатерины II, было анахронизмом в судебной системе России. Образцом для организации Совестного суда послужил английский Суд канцлера, или, иначе суд справедливости, основывающий свои решения не только на положениях общего права (*common law*), но и на нормах права естественного и римского; определенный свод правил (прецедентов) в таком суде формировался годами. Совестный суд в России, созданный в соответствии с «Учреждением о губерниях» 1775 г., стоял вне общей системы судебных

инстанций. В его состав входили назначаемый генерал-губернатором судья и шесть заседателей, избравшихся по двое от каждого сословия. В совестных судах разбирались следующие категории дел: дела по преступлениям умалишенных и малолетних; дела о колдовстве; дела по жалобам на незаконное содержание в тюрьме.

Ввиду того, что подсудность Совестного суда определялась недостаточно четко, иски могли подать родители против детей и дети против родителей, рассматривались также дела по разделу имущества, некоторые виды торговых тяжб. В компетенцию Совестного суда входило рассмотрение гражданских и уголовных дел. Согласно статьи 400 «Учреждения о губерниях» главной задачей суда было примирение сторон – истца и ответчика, то есть заключение мирового соглашения в буквальном смысле этого слова. Данная статья четко прописывала формы примирения тяжущихся. В целом, Совестный суд сочетал в себе функции суда по малозначительным делам, третейского суда и отчасти прокуратуры. При этом он был недостаточно эффективным и «малоповоротливым». Дела в нем (как, впрочем, и в других российских судах того времени) иногда не решались десятилетиями, о чем свидетельствуют данные Министерства юстиции.

К декабрю 1845 г. Н. Ф. Островский переводит сына в более современное и солидное учреждение – Московский коммерческий суд, где сам в ту пору, с 1842 г., исполнял должность присяжного стряпчего (осуществлял надзор за судебными учреждениями, наблюдал за поддержанием порядка в суде, за поведением тяжущихся, за отводом членов судебного заседания и т. д.), – на должность канцелярского служителя словесного стола с жалованьем 4 рубля в месяц. Данный суд относился к категории специализированных судов и находился в центре старой Москвы, на Моховой улице. Суд состоял из председателя, четырех членов суда, одного юрисконсульта (докладчика или секретаря), а также канцелярии. Все члены суда избирались купечеством из

своей среды. Коммерческому суду были подсудны споры, вытекающие из купеческих сделок; исков городских и иногородних, а также в отношении лиц других сословий, но касающихся дел торговых; окончательные решения дел при цене иска, не превышающего 500 рублей; по остальным делам предусматривалось право апелляционного рассмотрения в Сенате.

Московский коммерческий суд был открыт в 1833 г., и его первый председатель С. И. Любимов на торжественной церемонии по этому поводу провозгласил:

«Душа торговли есть кредит, но там нет кредита, где нет честности и правоты. Путь к честности указывает нам чистая совесть, а к правоте – закон».

Замечательные слова, не потерявшие своей актуальности и сегодня!

Организация и деятельность Коммерческого суда регулировалась законодательным актом «Учреждение коммерческих судов и устава их судопроизводства» 1832 г. (в соответствии с примечанием к части второй «Учреждения судебных установлений» «судебная власть духовных, военных, коммерческих, крестьянских судов определяется особыми о них постановлениями»).

Именно в Коммерческом суде Островскому открылись бездны обмана и человеческой низости, небывалой изобретательности ума, склонного к мошенничеству, и рядом с этим, хоть и реже, – внезапные озарения благородства, душевной красоты. В дальнейшем все это отразится в его театральном репертуаре (пьесы «*Свои люди – сочтемся!*», «*Пучина*», «*Тяжелые дни*», «*Доходное место*» и др.). В то же время Островский рос и как юрист, чему способствовала обширная судебная практика и работа с гражданским и уголовным процессуальным законодательством.

На годы службы в Коммерческом суде приходится и первая проба пера – наброски пьес «*Исковое прошение*» и «*Несостоявшийся должник*».

Успешно дебютировав в литературной среде авторскими чтениями комедии «*Свои люди – сочтемся!*» (первоначальное название «*Банкрот*», 1849) и получив одобрение самого Н. В. Гоголя, Островский впервые познал на себе неприятие «высочайшего мнения»: в следующем году цензура не допустила пьесу к представлению на театральной сцене. В апреле 1850 г. Николай I поручил начальнику III Отделения генерал-адъютанту А. Ф. Орлову и министру народного просвещения князю П. А. Ширинскому-Шихматову получить информацию о личности автора пьесы. Запрос был направлен в два адреса – московскому генерал-губернатору графу А. А. Закревскому (к слову, почитателю таланта молодого драматурга; некоторые пьесы Островского читались в его доме) и председателю Коммерческого суда, который сразу дал положительный отзыв. Относительно причин написания пьесы Островский представил попечителю Московского учебного округа В. И. Назимову следующее письменное объяснение:

«Главным основанием моего труда, главной мыслью, меня побудившей, было: добросовестное обличение порока, лежащее долгом на всяком члене благоустроенного христианского общества, тем более на человеке, чувствующем в себе прямое к тому призвание... Согласно понятиям моим об изящном, считая комедию лучшей формой к достижению нравственных целей и признавая в себе способность воспроизводить жизнь преимущественно в этой форме, я должен был написать комедию или ничего не написать».

Остается добавить, что Закревский также предоставил Орлову положительные сведения об Островском.

В это время Островский окончательно сделал выбор в пользу профессиональной драматургии. Подталкиваемый тяжелыми цензурными притеснениями, находясь под надзором полиции, испытывая материальные лишения, в январе 1851 г. он подает прошение об отставке и 6 февраля получает выходной аттестат. Негласный полицейский надзор, начавшийся с июня 1850 г.

согласно предписания шефа жандармов в адрес губернатора Закревского, был снят лишь в связи с коронацией императора Александра II в августе 1856 г.

Юридическое окружение А. Н. Островского. Среди близких и знакомых Островского, как уже говорилось, всегда было много юристов. Кроме отца, коллег по работе в Сове́стном и Ко́ммерческом судах особого упоминания заслуживает младший брате драматурга – *Михаил Николаевич Островский* (1827–1901). Видный государственный деятель, выпускник юридического факультета Московского университета, член Государственного совета, министр государственных имуществ, председатель Департамента государственных законов Сената, он сыграл в жизни А. Н. Островского значительную роль, неизменно по

Братья состояли в обширной переписке друг с другом (значительная часть писем драматурга утрачена). В письме одному из своих корреспондентов (1872) государственный чиновник М. Н. Островский предстает перед нами человеком нравственным, небезучастным к судьбам крестьянского населения России, глубоко разбирающимся в современных ему социальных проблемах, трезво анализирующим социально-правовую обстановку знакомой ему Костромской губернии:

«Наш народ [...] народ несчастный, брошенный совершенно на произвол судьбы и в нравственном и в материальном отношении [...] наше местное духовенство [...] народ спаивает [...] пользуется всяким случаем, чтобы эксплуатировать народ самым безобразным образом [...] земские учреждения [...] это пародия на самоуправление [...] из всех реформ нашего времени земская реформа – наименее удавшаяся [...] наш волостной суд – верх безобразия [...] за ведро вина откупаются от рекрутства...». А. Н. Островский находил в Михаиле благодарного слушателя своих обличительных пьес (а возможно, и источник сюжетов).

Гораздо реже вспоминают другого младшего брата (по отцу) – *Петра Николаевича Островского* (1839–1906), человека также незаурядного, в молодости кадрового офицера, затем – служащего государственного контроля и Казенной палаты в Москве (в 1868–1872 гг.) и Министерства финансов в Санкт-Петербурге (в 1873–1876 гг.). В биографии П. Н. Островского есть дуэль с князем А. И. Урусовым, адвокатом, закончившаяся, по сохранившимся сведениям, арестом и отбыванием последнего на гауптвахте. Петр Николаевич характеризовался современниками как человек талантливый, тонкий знаток литературы. Его политические взгляды были противоречивы. Так, выступая в молодости с сугубо демократических позиций, поддерживая повышение роли закона и правосудия в общественной жизни, против засилья любого административного произвола, ко времени первой русской революции 1905 г. он оказался среди ярких сторонников монархистской партии «17 октября».

Был еще один младший брат писателя, *Андрей Николаевич Островский* (1845–1906), юрист передовых взглядов, окончивший юридический и естественный факультеты Московского университета. В его биографии – адвокатская практика в Казани, в дальнейшем – служба мировым судьей и земским начальником в Чистопольском уезде; с 1896 г. началась его успешная карьера банковского служащего в Крестьянском и Дворянском банках, (в последнем он был членом Совета директоров).

Сокурсниками Александра Островского на юридическом факультете Московского университета были будущий педагог-новатор, профессор Демидовского юридического лицея *Константин Дмитриевич Ушинский* (1824–1870) и будущий известный поэт *Яков Петрович Полонский* (1820–1898), а также популярный литературный и театральный критик, автор многих замечательных рецензий на пьесы Островского *Аполлон Александрович Григорьев* (1822–1864), с которым драматург был дружен. С Яковом Полонским в зрелые годы Островский состоял в переписке, а когда поэт оказался в

затруднительном материальном положении, организовал выкуп на взаимовыгодных условиях за счет средств Драматического общества его богатой библиотеки.

Многие годы, начиная с гоголевских времен, товарищем и коллегой Островского был один из идеологов славянофилов, литератор, издатель и предприниматель *Иван Сергеевич Аксаков* (1823–1886). Аксаков окончил Училище правоведения (в 1842 г), затем, до 1851 г., служил в Уголовном департаменте Сената и Министерстве внутренних дел. Под влиянием службы он опубликовал сатирическое произведение «Судебные сцены, или Присутственный день уголовной палаты» (1858), получившее одобрение Островского. И. С. Аксаков был горячим сторонником гражданского равенства сословий, выступал за отмену цензуры и свободу совести, введение открытого состязательного судопроизводства.

Сохранились отрывочные сведения о дружбе Островского с *Михаилом Ивановичем Доброхотовым* (1827–1869), одним из основателей Московского юридического общества, председателем Совета присяжных поверенных, широко образованным человеком, завсегдаем Артистического кружка. (Артистический кружок был создан в Москве в 1865 г. по инициативе А. Н. Островского, В. Ф. Одоевского, П. М. Садовского и Н. Г. Рубинштейна; к основным задачам кружка относились: создание условий для культурного отдыха артистов, поднятие их профессионального и морального уровня, материальная помощь нуждающимся артистам, протектирование провинциальных артистов в целях получения ими возможности выступать перед столичной публикой.) На почве дел, связанных с Артистическим кружком, драматург общался с адвокатом и литературным критиком Н. М. Городецким. Присяжный поверенный Е. Г. Белинг состоял старшиной этого кружка.

С деятельностью другого общества – Литературного фонда – связано общение драматурга с известным петербургским юристом, профессором Петербургского университета *Борисом Исааковичем Утиным* (1832–1872), который был казначеем и членом ревизионной комиссии фонда. Утин также помогал Островскому в делах Общества драматических писателей.

Добрим знакомым Островского на протяжении более двадцати лет (как минимум с начала 1860-х гг.) был выдающийся историк и правовед, специалист в области истории российского законодательства и гражданского права западник *Константин Дмитриевич Кавелин* (1818–1885), профессор Московского и Петербургского университетов, а впоследствии – в 1870–1880-е гг. – профессор Военно-юридической академии, человек передовых правовых взглядов (слушатели академии называли его «учителем права и правды»).

Андрею Евдокимовичу Носу (1842–1910), юристу по образованию, адвокату, близкому знакомому Островского, мы обязаны появлением биографического очерка о драматурге и его семье в первом посмертном Собрании сочинений (1896).

В 1870–1880-е гг. товарищеские отношения связывали драматурга со ставшим впоследствии крупным ученым, юристом-цивилистом, доктором римского права, профессором Московского университета *Сергеем Андреевичем Муромцевым* (1850–1910), редактором «Юридического вестника», одним из лидеров кадетской партии, председателем I Государственной думы.

Островский был тесно связан и с другим выдающимся ученым-юристом, историком, философом, профессором Московского университета *Борисом Николаевичем Чичериным*, городским головой в 1882–1883 гг. Чичерин многие годы был соседом Островского по дому – речь идет об «усадебных Голицыных» (ныне дом 14 по ул. Волхонка, где в настоящее время располагается Институт философии РАН). Знаменитый ученый проживал на Волхонке в 1881–1886 гг., а семья Островского снимала там апартаменты, включавшие бывший кабинет

князя Голицына, в 1877–1886 гг. Представляется, что взаимоотношения драматурга с Муромцевым и Чичериным еще ждут своего исследователя.

Многолетним приятелем Островского, был его коллега по «писательскому цеху» *Сергей Васильевич Максимов* (1831–1901), писатель и этнограф, автор многотомного труда «Сибирь и каторга» (ч. 1: «Несчастные», ч. 2: «Виноватые и обвиненные», ч. 3: «Политические и государственные преступления; 1871). Человек прогрессивных взглядов, Максимов был сторонником гуманистического подхода к современной ему пенитенциарной системе. Именно Максиму-писателю принадлежит описание основных каст преступников, создаваемых по криминальной квалификации и положению в уголовном мире, «криминальному авторитету» («иваны», «храпы», «игроки» и «шпанки»). В библиотеке Островского сохранились книги Максимова с сердечной дарственной надписью. Судя по пометкам драматурга, его особенно заинтересовали те места в первой части «Сибири и каторги», которые Максимов посвятил литературно-этнографическому описанию жизни бродяг в современной ему России.

Важным источником сведений о жизни широких слоев российского общества для Островского был его ближайший друг и сподвижник, завсегда с многими известными судебными процессами второй половины позапрошлого века, талантливый рассказчик, актер и писатель *Иван Федорович Горбунов* (1831–1895). Островского и Горбунова связывали дружеские отношения начиная с 1849 г. и до самой смерти драматурга. Иван Федорович неизменно называл себя учеником Островского. Он не раз и подолгу гостил у Островского в Москве и Щельково, путешествовал с ним по России и за границей.

Среди современников Горбунов был знаменит блестящими рассказами-зарисовками многих сторон жизни, описывал он также судебные истории и судьбы падших членов общества. Об искрометных, полных доброго юмора рассказах Горбунова, посвященных судебной юстиции, восторженно

отзывались многие современники, в том числе и такой авторитетный свидетель, как А. Ф. Кони.

Анатолий Федорович Кони (1844–1927), выдающийся юрист и государственный деятель, литератор, также был в числе хороших знакомых Островского. Они познакомились в 1862 г. на средах у А. Ф. Писемского. Отец А. Ф. Кони – Федор Алексеевич Кони (1809–1879) – был достаточно известным поэтом, драматургом, журналистом и историком театра, мать – писательницей и актрисой, ее хорошо знал Островский. А. Ф. Кони оставил об Островском небольшие, но весьма интересные воспоминания, в которых признается, что в выборе им профессии есть заслуга драматурга, поклонником творчества которого он был еще со студенческой скамьи.

Переехав из Петербурга в Москву в 1861 г. и став завсегдатаем Малого театра, Кони так пишет о собственных впечатлениях (тогда – студента-юриста) от театральной постановки *«Доходного места»*:

«Нравственные мучения Жадова и проповедь пляшущего Юсова не могли не вызвать желания стать работником в том новом суде, который искоренит черную неправду».

Теплые дружеские отношения связывали Островского с коллегой-драматургом *Алексеем Антиповичем Потехиным* (1829–1908); в зрелые годы Потехин стал управляющим труппой Александрейского театра, начальником репертуарной части петербургских императорских театров. Его младший брат – *Павел Антипович Потехин* (1839–1916), выпускник юридического факультета Московского университета, начинавший профессиональную карьеру в 1862 г. в качестве стряпчего Петербургского Коммерческого суда, – стал выдающимся адвокатом «первой волны», одним из первых «биографов» присяжной адвокатуры председателем городской комиссии по народному образованию в Санкт-Петербурге.

Примерно в 1856 г., находясь в Твери, Островский познакомился с *Алексеем Михайловичем Унковским* (1828–1893), в ту пору молодым судьей, в будущем – одним из выдающихся адвокатов и известным ученым, первым издателем и редактором многих трудов знаменитых зарубежных правоведов. Характеристики Унковского, данные Кони и Островским, дополняют друг друга: для первого он «пример той нравственной высоты, на которой может и должен стоять присяжный поверенный», а для второго – «человек веселый, открытый и очень умный». О продолжении личного общения Островского и Унковского в поздние годы, к сожалению, достоверных сведений у нас нет.

Переписка и свидетельства современников говорят о достаточно близком знакомстве Островского с блистательным присяжным поверенным «первой волны» князем *Александром Ивановичем Урусовым* (1843–1900), образованнейшим человеком своего времени, литератором, духовно близким со многими виднейшими представителями творческой интеллигенции своего времени. А. И. Урусов был горячим поклонником драматурга, бывал на постановках его пьес в столице.

Знаменитый московский «златоуст» – адвокат *Федор Никифорович Плевако* (1842–1908), – начиная с 1877 г. (по некоторым данным – с 1878 г.) на протяжении ряда лет являлся, по сути, юрисконсультom и вел судебные дела драматического общества в окружном суде и Сенате. Плевако можно было увидеть на премьерных показах пьес Островского. Встречались они и в неформальной обстановке. К сожалению, более конкретных сведений о взаимоотношениях драматурга и знаменитого адвоката найти не удалось.

Среди других коллег-драматургов, имеющих юридическое образование, можно вспомнить основателя известного московского частного драматического театра *Федора Адамовича Корша* (1852– 1923). До своей удачной карьеры в качестве основателя театра и антрепренера (Театр Корша возник после отмены в 1882 г. театральной монополии императорских театров) Корш, будучи

выпускником юридического факультета Московского университета, в 1870-е гг. работал помощником присяжного поверенного при Вологодском окружном суде, что уже в наши дни документально подтвердил на основе изучения материалов вологодских архивов адвокат и краевед О. Сурмачев.

Обращаясь к юридическому окружению Островского, нельзя не упомянуть и выпускника Петербургского училища правоведения великого современника драматурга композитора *Петра Ильича Чайковского* (1840–1893). Так же как и Островский, до ухода в музыкальное творчество он успел несколько лет поработать на юридическом поприще (в Министерстве юстиции). Островский и Чайковский состояли в переписке и приятельски общались друг с другом в 1864–1868 гг., композитор написал музыку к весенней сказке Островского «Снегурочка», оперу «Воевода» по одноименной драме (другое название – «Сон на Волге»). По мотивам знаменитой «Грозы» написано и одно из первых крупных творений молодого композитора – симфоническая увертюра «Гроза». Младший брат П. И. Чайковского *Анатолий Ильич Чайковский* (1850–1915), юрист по образованию, поднимавшийся по ступенькам прокурорско-следственной карьеры в Киеве, Москве и Петербурге, в дальнейшем вице-губернатор, сенатор, также был знаком драматургу.

Судейская практика А. Н. Островского. В 1870-е гг. в основу сюжетов А. Н. Островского все чаще попадают события из современной ему судебной уголовной хроники. Что не случайно: как раз в то время (21 марта 1872 г.) он был избран почетным мировым судьей Кинешемского уезда Костромской губернии (состоял в этой должности по 11 октября 1884 г.). Мировые суды были первым, низшим, звеном судебной системы и рассматривали гражданские и уголовные дела. Согласно Уставу гражданского судопроизводства 1864 г. к подсудности мирового судьи относились: иски по личным обязательствам и договорам и о движимости «ценою не выше 300 рублей»; иски о вознаграждении за ущерб и убытки, когда их размер не превышает 300 рублей

или же на момент предъявления иска не установлен; иски о личных обидах и оскорблениях; иски о восстановлении нарушенного владения, когда со времени нарушения прошло не более шести месяцев; и т. д.. В соответствии с Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. мировой судья имел право назначать виновным выговоры, замечания и внушения; накладывать на них денежные взыскания не свыше 300 рублей; подвергать аресту сроком не свыше трех месяцев; заключать в тюрьму на срок не превышающий одного года.

Существовали две категории мировых судей – почетные и участковые, в каждом участке избирался один участковый мировой судья, количество почетных было непостоянным. Правовой статус мировых судей определялся Учреждением судебных установлений от 20 ноября 1864 г.

Еще на стадии подготовки судебной реформы в Государственном совете было определено, что почетные мировые судьи вводятся «для облегчения исполнения многочисленных обязанностей мирового (участкового) судьи и, в особенности, для того, чтобы лица, заслуживающие полного доверия и уважения, не лишались возможности, не оставляя своих домашних занятий и обязанностей, оказывать своим влиянием содействие к охранению порядка и спокойствия...» Почетные мировые судьи пользовались такими же правами при рассмотрении дел, как и обычные мировые судьи. Но, в отличие от последних, они не получали вознаграждения, даже когда исполняли обязанности участковых судей (в случае их отстранения, отсутствия, болезни или смерти). От участковых они отличались и тем, что могли занимать должности в государственных и общественных учреждениях и не обязывались законом жить в том округе, где были избраны. Ввиду того что почетные мировые судьи решали дела лишь в том случае, если обе стороны сами обращались в суд с просьбой об их посредничестве, подсудность дел, подлежащих рассмотрению почетных мировых судей, была значительно шире, чем у участковых, и фактически распространялась на всю территорию округа. Что же касается

характера дел, то здесь подсудность, напротив, была уже, поскольку деятельность почетных мировых судей становилась в зависимость от желания истца и ответчика и имела место только в отношении тех дел, которые возбуждались в порядке частного обвинения (такие дела нередко заканчивались примирением). В тех случаях, когда почетные судьи заменяли участковых судей по причине болезни, отпуска или смерти, они рассматривали подсудные им дела.

Мировой судья избирался сроком на три года. Им мог стать только материально независимый и уважаемый человек, нравственно безупречный, обладающий авторитетом, который позволил бы склонить тяжущиеся стороны к заключению мирового соглашения. Таковым требованиям, безусловно, отвечал и великий драматург. Помимо многих иных условий, предъявляемых к лицам – кандидатам в мировые судьи, был обязателен и образовательный ценз: наличие высшего или среднего образования и стаж службы не менее трех лет в должностях, связанных с судебной-правовой сферой. Тот кандидат, который на уездных земских собраниях получал большинство голосов, становился участковым, все остальные избранные – почетными мировыми судьями.

А. Н. Островский регулярно принимал участие в работе съездов мировых судей (вышей апелляционной инстанции для мировой юстиции, в кассационном порядке решения мирового суда могли быть обжалованы в Сенат). Съезды проводились в назначенные сроки для окончательного решения дел, подлежащих мировому разбирательству, а также для рассмотрения в кассационном порядке просьб и протестов об отмене окончательных решений мировых судей. Также съезды рассматривали жалобы на решения судей, и их постановления считались окончательными (обжалование допускалось только в кассационном порядке). Съезды мировых судей обсуждали и административно-организационные мероприятия, например о распределении судебных участков между участковыми мировыми судьями.

Сохранились свидетельства очевидцев об исключительно ответственном отношении А. Н. Островского к своим обязанностям судьи и о теплом, уважительном отношении к нему со стороны коллег. Чего стоит хотя бы такой известный факт: в связи с тем, что съезды судей часто приходились на день празднование именин Островского, он неизменно приглашал практически участников съезда практически всех участников съезда в свое щельковское имение.

Драматургу довелось принять на себя (пусть на короткое время) и другую ответственную судебную ношу – в ноябре 1877 г. он две недели исполнял обязанности присяжного заседателя в Московском окружном суде. К компетенции окружных судов, согласно Учреждению судебных установлений от 20 ноября 1864 г., относились гражданские дела с суммой иска свыше 300 рублей и уголовные дела, за которые мера наказания превышала один год тюрьмы. Окружной суд был один на несколько уездов, и его судьи во главе с председателем назначались императором по представлению министра юстиции. Все тяжкие преступления (от убийств до крупных имущественных преступлений) рассматривались с участием коллегии присяжных. Последняя формировалась из представителей всех сословий, мужчин русского подданства в возрасте от 25 до 70 лет, проживающих не менее трех лет в данном городе (уезде) и отвечающих определенному имущественному цензу (за исключением отдельных групп населения – военных, священнослужителей, учителей народных школ, несостоятельных должников, слепых и глухих и некоторых других). Присяжные в зале судебных заседаний располагались отдельно от так называемых коронных, то есть назначенных лично императором, судей. Они имели право осматривать вещественные доказательства, через председателя суда задавать вопросы допрашиваемым лицам и просить у председателя суда разъяснения по всем обстоятельствам

дела. Высшими инстанциями по отношению к окружным судам были Окружная апелляционная палата и Сенат.

В течение всей своей жизни Островский успешно совмещал работу в качестве почетного мирового судьи с драматургической деятельностью, с театром. В Кинешемском уезде ему пришлось выполнять и иные общественные поручения: дважды (в 1874 и 1877 гг.) он избирался в гласные уездного земского собрания; в компетенцию земств входили местные хозяйственные дела. Островский деятельно участвовал в решении вопросов, связанных с развитием просвещения и земледелия, строительством проселочных дорог, удешевлением перевоза через Волгу, ликвидацией недоимок, регламентацией земских сборов и штрафов, и др. Его служение на судебном поприще, с высоты осмысления творческой судьбы, представляется отнюдь не случайным эпизодом. Напротив, оно является закономерным проявлением жизненного пути нравственного человека, являвшего пример профессионализма и честного зарабатывания денег.

А. Н. Островский и Щельково. Особое место в жизни и творчестве великого драматурга занимает Щельково. Там, в глуши костромских лесов, неподалеку от г. Кинешма, на берегу речки Куекши, находилась его семейная усадьба, купленная дальновидным и предприимчивым Николаем Федоровичем Островским в 1848 г. Усадьбу он завещал своей супруге, мачехе драматурга, но впоследствии она была выкуплена у нее в собственность Александром и Михаилом Островскими. Именно в Щельково всегда стремился драматург. Как и все Островские, он очень любил уютный деревянный дом, из окон которого открывались роскошные пейзажи; вместе со своим семейством он жил там по пять-шесть месяцев в году. На кладбище при церкви Николы в Бережках постройки XVIII века (прекрасно сохранившейся и действующей в настоящее время, с сильной духовной энергетикой) впоследствии он обретет и свой вечный покой (драматург умер 2 июня / 14 июня 1886 г.).

Именно в Щелькове были написаны многие знаменитые пьесы Островского 1860–1880-х гг. Сюда, к гостеприимному хозяину, приезжали его московские и санкт-петербургские друзья (к слову, к самым близким из них – Садовскому-младшему, Бурдину и некоторым другим – Островский часто обращался с просьбой привезти «провесной ветчины», хорошего вина, сигар от «Бостонжогло»; а возвращались щельковские гости, нагруженные «заготовками» из погребов усадьбы).

Неудивительно, что на страницах произведений Островского запечатлены многие «картинки быта» Щельково и его окрестностей. Так, неподалеку от Островского жил его хороший знакомый, ивашевский волостной писарь Виссарион Иванович Верховский. Верховский слыл среди местной бедноты третейским судьей, он неплохо знал действующие законы и часто выступал на съездах мировых судей в качестве защитника бедных крестьян. Островский ценил его гражданскую позицию, в 1870-е гг. приятельствовал с ним, часто приглашал к себе в гости и бывал у него в Ивашеве. Этот населенный пункт находился на бойком месте торгового тракта, неподалеку от Кинешмы. Островский любил поужинать вместе с Верховским в каком-либо ивашевском трактире, находясь в «гуще событий», среди мещан и приезжих купцов; попутно он делал заметки в своей записной книжке. В окрестностях Щельково, жили, по-видимому, многие реальные прототипы героев его произведений – предприниматели братья Витовы, помещик Варфоломеев, фабрикант Тихомиров, помещицы Белехова и Молчанова, – все они, не отличаясь добродетельным поведением, снискали у современников славу стяжателей, жадных собственников.

Церковь и семья в жизни А. Н. Островского. А. Н. Островский был глубоко верующим человеком, он вырос в боголюбивой семье, принадлежащей к среде небогатого московского духовенства, давшего России многих выдающихся деятелей науки и культуры. Отец Островского – выпускник

Духовной академии, священником был его дед (по отцу), мать драматурга была дочерью пономаря и просвирницы, многие родственники семьи относились либо непосредственно к клиру, либо так или иначе были связаны с церковной жизнью. Будучи взрослым человеком, Александр Николаевич часто приезжал в Кострому навестить своего родного дядю, Петра Федоровича Островского, священника, пользовавшегося большим нравственным авторитетом у прихожан.

Творчество драматурга демонстрирует связь его произведений с наиболее острыми морально-нравственными проблемами, причем конфликт (сюжет) большинства его пьес раскрыт с позиций христианского учения о Добре и Зле и осуждения греха, греховного поведения. Да и многие черты характера Островского: труженичество, доброта, честность, умение сострадать чужому горю, патриотизм, жертвенность – составляют суть души русского православного человека. Известны многочисленные факты материальной поддержки Островским начинающих собратьев по перу – драматургов, малоимущих актеров провинциальных театров и др. В начале 1880-х гг. Островский, будучи человеком чести, несмотря на усиливавшуюся реакцию, не бросил сотрудничества с «Отечественными записками» М. Е. Салтыкова-Щедрина, которые находились на грани закрытия. Уместно вспомнить также о поведении Островского в многолетней (в 1853–1856 гг.), крайне болезненной для драматурга истории по обвинению его провинциальным актером Д. А. Горевым-Тарасенковым в присвоении авторства пьесы «*Свои люди – сочтемся!*» и некоторых других пьес. В 1856 г. Заявления Горева послужили поводом для травли Островского со страниц газет «Санкт-Петербургские ведомости» и «Ведомости московской городской полиции». Александр Николаевич несколько раз по-дружески увещевал актера, писал ему примирительные письма. В конце концов абсурдность утверждений Горева стала очевидна даже недоброжелателям Островского, но он не дал хода иску о привлечении клеветника к юридической ответственности. О неконфликтности

Островского свидетельствует и тот факт, что он ни разу не поднимал вопроса об уголовном преследовании крестьян, занимавшихся порубками леса на принадлежавшей ему земле, ограничиваясь материальным возмещением ущерба.

Зная о характере Островского, его жизненных принципах, выделение борьбы за торжество заповедей Священного Писания в качестве лейтмотива многих его пьес кажется не случайным. Это особенно прослеживается в пьесах *«На бойком месте»* и *«Бесприданница»* – «Не убий» (Втор. 5 : 17); *«Свои люди – сочтемся!»*, *«Волки и овцы»*, *«Дикарка»*, *«Пучина»* – «Не кради» (Втор. 5 : 19); *«На всякого мудреца довольно простоты»*, *«Волки и овцы»* – «Не лжесвидетельствуй» (Втор. 5 : 20); *«Бесприданница»* – «Не судите, да не судимы будете» (Матф. 7 : 1).

Подлинным торжеством Божественного Духа звучат в пьесах и многие заповеди из Нагорной проповеди: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство небесное» (Матф. 5 : 3) – *«Бедность не порок»*, *«Трудовой хлеб»*; «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Матф. 5 : 7) – *«Лес»* и *«Бешеные деньги»*; «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Матф. 5 : 8) – *«Бедность не порок»*, *«Таланты и поклонники»* и др.

Кстати, с правонарушениями и пороками Островский боролся не только со страниц своих произведений. Так, будучи назначенным в конце 1885 г. «начальником московских театров», по вступлении в должность он большое внимание уделял вопросам образования и организации быта театральной школы, морального облика воспитанников. «От его бдительного ока не ускользнуло, что [...] мимо стен школы [...] встречным течением разгуливали женщины сомнительного поведения благодаря близкому соседству в Китайском проезде торговых бань [...] никто из прежних начальников не обращал никакого внимания на такое шокировавшее школу обстоятельство». В итоге

руководством учебного заведения совместно с полицией были приняты соответствующие меры.

Одно из центральных мест в произведениях Островского занимают проблемы «малой Церкви» – *семьи*, внутрисемейных отношений. Именно в семье, в реальных, а не мнимых семейных ценностях, добрых искренних отношениях между близкими родственниками драматург видит причину счастья (либо несчастья) своих героев. В большинстве его произведений семейное счастье – лишь видимость, внешняя оболочка, за которой скрываются жестокосердие, эгоизм, самодурство, отчужденность между родителями и детьми («*Без вины виноватые*»), семейная тирания, бесправие детей, чистоган» вместо доброты («*Свои люди – сочтемся!*»), супружеская измена («*Гроза*», «*Семейная картина*»). Межличностные конфликты героев многих его пьес суть отражение семейных неурядиц, их развития. Островский предстает глубоким знатоком семейной психологии; он во многом предвосхитил воззрения современных российских и зарубежных криминологов и психологов, рассматривающих защиту интересов семьи – первичной ячейки общества – в качестве важнейшего направления профилактики правонарушений. Психологические портреты Островского убедительны, а приговор неутешителен: именно семья (в его пьесах это чаще всего представители купеческого сословия) является основным источником насилия и принуждения в современном ему обществе. Последствиями семейного тоталитарного насилия в пьесах драматурга чаще всего становятся распад семьи, бытовое пьянство, моральное разложение, а также убийство и самоубийство.

Оценки, сделанные драматургом во второй половине позапрошлого века, актуальны и для нынешней России: в стране высок уровень преступности, и в значительной части «семейной»; институт семьи и брака многие годы находится в кризисном состоянии, растет количество неполных, отягощенных алкоголизмом, наркоманией и иными девиациями семей; увеличивается число

малолетних россиян с диагнозом «инфантилизм», «семейная и педагогическая запущенность»; в стране насчитывается не менее одного миллиона малолетних беспризорников и бродяг; продолжается убыль населения. В этой связи остро и злободневно звучит призыв нашего современника, митрополита Сурожского Антония, выдающегося православного богослова, обратить взоры на необходимость воспитания россиян в духе уважения уникальности и ценности каждого человека: «...Мы потеряли сознание величия человека везде [...] для России [...] сейчас важно возродить веру в человека не как раба или работодателя [...] а как неповторимую личность. Нет человека, без которого вселенная могла бы обойтись [...] уам надо постепенно внедрить в сознание людей абсолютную ценность личности...». Непреходящи по значимости мысли и другого нашего соотечественника, А. И. Солженицына, о народосбережении как главной задаче, стоящей перед Россией в XXI веке.

Девантологическая картина России времен Островского. В современной социологии и юриспруденции устоявшимся является утверждение о том, что отклоняющееся поведение подвижно и может рассматриваться лишь в рамках конкретной социально-правовой системы. Вместе с тем наиболее опасные формы девиантного поведения присущи практически всем правовым системам (прежде всего речь идет о преступности в классических проявлениях – убийствах, грабежах, изнасилованиях, мошенничестве и др.; а также пьянстве, проституции, самоубийствах). По мнению многих ученых-юристов, социологов, философов, психологов, в основе индивидуального акта девиации скрыто пренебрежение, отчуждение человеком норм права, морали и нравственности, при этом источником последних выступают прежде всего религиозные запреты. Последние годы отмечены выходом в свет ряда интересных работ ведущих ученых-правоведов, посвященных исследованиям Ветхого и Нового Завета как метаправа современного (и не только) уголовного права.

Преступность. Связь классической художественной литературы с уголовным правом и криминологией – основными дисциплинами криминалистического цикла – вовсе не случайна. Преступление, преступность, личность преступника, причины преступности и ее предупреждение – основные категории уголовного права и элементы предмета криминологии; именно в процессе подготовки и совершения преступления, отбывания наказания, душевного покаяния преступников раскрываются многие «тайны и закоулки» человеческой души, что не может не интересоваться мастеров слова. По подсчетам В. Д. Сыроева, в сорока семи пьесах Островского затрагиваются в той или иной мере проблемы права, судоуложения и законности.

Значительную часть сюжетов для «криминальных страниц» своих пьес драматург черпал из современной ему российской, и прежде всего московской, жизни. Прототипами многих его героев напрямую либо собирательно становились не менее знаменитые его современники-москвичи – купечество, дворяне, знатное чиновничество, словом, представители всех сословий. Так, военный губернатор Москвы, николаевский ретроград граф А. А. Закревский, увековечен, по мнению современников, комедийной фигурой нелепого борца «с реформами вообще» генерала Крутицкого (*«На всякого мудреца довольно простоты»*); эксцентричный и сумасбродный московский фабрикант М. А. Хлудов (1843–1885) и другие представители этого семейства оказались прототипами Хлынова (*«Горячее сердце»*).

Много ценных и интересных сведений о купечестве Островский узнал от своего многолетнего друга московского купца И. И. Шанина. Следует обратить внимание на то, что именно московские коммерческие династии, связанные с текстильным производством и крупной торговлей, составляли верхний эшелон российской финансовой элиты (Алексеевы, Боткины, Гарелины, Карчинкины, Коншины, Морозовы, Перловы, Рябушинские, Третьяковы и др.). Многие из них были лично знакомы Островскому: так, к купцам Алексеевым и Боткиным

он обращался за денежной помощью в 1882 г. в связи с планами постройки частного русского народного театра. В купеческих домах Карзинкиных и Хлудова молодой драматург читал своего знаменитого «Банкрота». Один из основателей династии *Карзинкиных* (Корзинкиных), *Алексей Александрович* (1823–1906?), был приятелем Островского, состоял с ним в переписке. Многие «купцы-богатеи» – герои пьес Островского несут на себе черты известного московского купца *Ивана Григорьевича Фирсанова* (1817–1881), прославившегося изобретениями способов и приемов получения наживы, но при этом состоявшего первоприсутствующим в московском Сиротском суде. Другой московский купец-миллионер, *Флор Яковлевич Ермаков* (1815–1895), владелец текстильных фабрик, крупный благотворитель, возможно, «передал» многие свои черты удачливому «просвященному» богачу Флору Федуловичу Прибыткову из «*Последней жертвы*». Вообще же до реформ 1860-х гг. предпринимательство из-за невежества и грубости купцов во многом рассматривалось современниками как разновидность мошенничества.

Периодически обе столицы судачили о важных событиях в жизни известных богачей (спорах при наследовании и расторжении брака, разделах имущества, банкротствах – реальных и фиктивных, и т. п.).

Много сюжетов давали Островскому судебные процессы. В литературоведении высказывается предположение, что сюжет «*Бесприданницы*» навеян реальным уголовным делом об убийстве мужем своей молодой жены из ревности, слушавшимся в те годы в Кинешемском мировом суде; за этой человеческой трагедией якобы стоял И. А. Коновалов, миллионер из Поволжья, содержавший целый гарем наложниц и ставший прототипом купца Кнурова (к ссылке в данном случае на Кинешемский суд, по нашему мнению, следует все-таки относиться критически: дела об убийствах относились к подсудности не мировых, а окружных судов).

К не лишним оснований догадкам современников относится и связь реальных фигурантов известной банды «червонных валетов» и фигуры альфонса Дульчина из комедии «*Последняя жертва*» (1877). Работа над пьесой была начата в августе 1877 г., а в феврале-марте того же года Московским окружным судом рассматривалось громкое уголовное дело в отношении 48 человек, широко освещавшееся в прессе (делом «червонных валетов» его называли газетчики). Следствие по делу велось семь лет, а сама преступная деятельность группировки – многочисленные мошенничества и подлоги – началась еще в 1860-е гг. Во главе банды были представители аристократических родов – Долгоруков и Дмитриев-Мамонов, – которые действовали, прикрываясь именами своих влиятельных родственников. Преступная группа создавала подставные предприятия, получала залоги от принятых на работу сотрудников и скрывалась; также у граждан обманом, под обещание высоких процентов, выманивались деньги и векселя; спаивая потерпевших, бандиты брали у них «в долг» деньги и т. п.

Среди тех, кто отличился в выявлении и пресечении преступной деятельности, – начальник Петербургского сыскного отделения (с 1866 по 1889 г., с незначительными перерывами) знаменитый сыщик *Иван Дмитриевич Путилин* (1830–1893), слава о котором гремела в Петербурге и Москве в 1870-е гг. История не сохранила достоверных сведений о личном знакомстве крупнейшего российского драматурга и легендарного сыщика, однако известно, что Островский хорошо знал о профессиональных успехах Путилина не только из газет, но и от своих друзей и знакомых, высоко ценил его и очень хотел с ним познакомиться (учитывая это, можно предположить, что их личное знакомство все-таки состоялось). Впрочем, предоставим слово самому драматургу:

«Бывало [...] Горбунов говорил мне об этом человеке и предлагал с ним познакомиться. Я и слышать не хотел. Ну что за знакомство с сыщиком? Но потом, действительно, понял и увидел из множества фактов, что это человек

далеко не дюжинный; это, прямо сказать, человек гениальный в своем роде... Начал он свою карьеру двадцать-тридцать лет назад помощником квартального на Сенной площади, изучил нравы, обычаи, привычки петербургских мошенников, изучил необыкновенно, знает все их логовища. Нельзя не удивляться смелости, находчивости, энергии и храбрости этого человека. А вы бы послушали, как он рассказывает: рассказ простой, без всяких украшений, но вы бы просто заслушались его – так жив и увлекателен его рассказ. Да, с ним стоит познакомиться, как со всяким даровитым человеком, выходящим из ряда обыкновенных людей».

Данный разговор состоялся в середине ноября 1879 г., когда друг драматурга и почитатель его таланта еще с юношеских лет, историк и издатель журнала «Русская старина» М. И. Семевский (1837–1892), автор воспоминаний об Островском, гостил у него в Санкт-Петербурге. Островский только что закончил работу над «*Дикаркой*» и приехал в столицу организовывать ее постановку. Присутствовавший при этом разговоре И. Горбунов действительно прекрасно знал Путилина, как напрямую, так и через общего друга С. Ф. Христиановича, управляющего канцелярией петербургского градоначальника, впоследствии члена Петербургской судебной палаты.

Кстати, в отечественной криминалистике считается, что дело «червонных валетов» – это первое в России уголовное дело в отношении организованной преступной группировки, расследованное и получившее в суде обвинительный приговор. Обвиняемых защищали многие столпы адвокатуры того времени – Ф. Н. Плевако, А. С. Гольденвейзер и др., свою позицию защита строила на отрицании фактов единства преступников как одной банды, отсутствии умысла и взаимосвязей между отдельными преступлениями. Большая часть обвиняемых (29 человек) была приговорена к различным срокам лишения свободы.

В ходе встречи близких по духу людей (Островского, Горбунова и Семевского) обсуждалось еще одно, очень актуальное для тех лет событие – дело террориста-народника Л. Ф. Мирского, слушавшееся 15–17 ноября 1879 г. в Петербургском окружном суде. По обвинению в принадлежности к «социально-революционному сообществу» (пытался помочь террористу скрыться) к делу был привлечен и арестован присяжный поверенный *Александр Ольхин* (1839–1897), в прошлом дипломат и судья, поэт, автор «Дубинушки», человек, близкий по взглядам к революционерам. Присяжные оправдали Ольхина.

К истории с террористом Мирским (помощью в его сокрытии) был причастен еще один адвокат – *Евгений Исаакович Утин* (1843–1894), брат ранее упоминавшегося Б. И. Утина, товарища драматурга.

По понятным причинам биографы Островского советского периода не делали акцент на негативную реакцию Островского в отношении фигурантов по данному уголовному делу. Между тем, применительно к реалиям сегодняшнего дня, когда терроризм стал чертой современной жизни, жестокая бескомпромиссная позиция драматурга по отношению и к самому преступнику-террористу и его пособнику рассматривается как закономерная реакция законопослушного человека, «государственника», на действия тех, кто путем террора и ценой гибели сограждан пытается решить свои политические задачи.

Явное влияние на формирование сюжета знаменитой комедии «*Волки и овцы*» (1875) и образа главной героини – помещицы Мурзавецкой, – возможно, имело еще одно громкое уголовное дело, вошедшее в историю российской криминалистики как «дело игуменьи Митрофании». Митрофания (в миру – баронесса Прасковья Розен) была незаурядной личностью, общественным деятелем, игуменьей Серпуховского Владычского монастыря. Осенью 1874 г. материалы по обвинению игуменьи в составлении подложных документов, в присвоении и растрате чужого имущества и в мошенничестве поступила в

Московский окружной суд. Среди пострадавших от ее действий лиц были известные бизнесмены того времени – купцы Лебедев и Солодовников. Особый резонанс вызвал эпизод с вдовой почетного гражданина г. Москвы Медынцевой: пользуясь полным доверием купчихи и ее болезненным состоянием, вызванным алкоголизмом, Митрофания подделала ряд финансовых документов, в результате чего присвоила значительное состояние Медынцевой (около полумиллиона рублей) и растратила его. К расследованию и рассмотрению дела в суде были привлечены многие ведущие юристы России, включая А. Ф. Кони (прокурор) и Ф. Н. Плевако (адвокат). Митрофания (баронесса Розен) была признана виновной и приговорена к ссылке в Сибирь с лишением прав состояния. Впрочем, не все литературоведы – специалисты по творчеству Островского увязывают дело игуменьи Митрофании с героями и сюжетом знаменитой пьесы.

Нельзя недооценивать и прессу в качестве важного источника информации, из которой драматург черпал идеи и сюжеты для своих пьес. Современная Островскому эпоха великих реформ вызвала огромный интерес всех слоев общества к различного рода преступлениям, их расследованию и судебному рассмотрению. Многие ведущие периодические издания обзавелись постоянными рубриками – «Хроника происшествий», «В камере мирового судьи», «Судебная хроника» – либо публиковали редакторские материалы, посвященные анализу «громких» дел, и т. п. (газеты «Московские ведомости» М. Н. Каткова и «Новое время» А. С. Суворина, «Судебный вестник», «Санкт-Петербургские ведомости», «Новости и биржевая газета», журнал «Отечественные записки» Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина, журнал-газета «Гражданин» В. П. Мещерского и др.).

Огромную популярность в обеих столицах приобрел в 1860–1870-е гг. только что учрежденный суд присяжных, особенно если рассматривались громкие уголовные дела – убийства, крупные мошенничества, грабежи. Среди

наиболее известных уголовных дел того времени, прошедших через суд присяжных и относящихся к корыстным преступлениям, были дело дворянина Симашко (1873 г.), который влез в долги и изготовил вместе с сообщниками подложный вексель от имени своего дяди, сенатора Семенова (что указывает на возможные параллели с персонажем «*Последней жертвы*»); дела 1878–1879 гг., связанные с хищением денежных средств и подделкой векселей и чеков сотрудниками Общества взаимного поземельного кредита, Кронштадтского городского банка, Санкт-Петербургского городского кредитного общества, Санкт-Петербургского общества взаимного кредита. В тот же период (после очередной русско-турецкой войны) российское общество было шокировано вскрывшимися грандиозными злоупотреблениями в интендантской службе, при концессионерской сатурналии (злоупотребления, связанные с получением от государства выгодных контрактов и концессий) и др.

Как правило, такие дела в Петербургском или Московском окружных судах слушались с участием корифеев адвокатуры – С. А. Андреевского, П. А. Александрова, К. К. Арсеньева, А. И. Урусова, В. Д. Спасовича, Ф. Н. Плевако, П. А. Потехина и др. Среди публики в зале суда не раз присутствовали представители правящей России: великие князья, дворянская аристократия и нарождающаяся буржуазия, высшее чиновничество, в том числе министр юстиции К. И. Пален, военный министр Д. И. Милютин, министр иностранных дел А. М. Горчаков и др. Очевидно, что Островский – современник и во многом хроникер своей эпохи – не мог не знать подробности этих и других нашумевших криминальных историй и не использовать их при выборе сюжетных линий своих произведений.

Изображение правонарушающего (девиантного) поведения в творчестве А.Н. Островского. Значимой в творчестве драматурга является тематика преступного, и – шире – девиантного (отклоняющегося), поведения. При этом автор подходит к исследованию пороков человеческой души с

позиций христианской морали, как глубоко верующий православный христианин. Помимо обращения к этиологии (выражаясь современным криминологическим языком) корыстной, в том числе «беловоротничковой», преступности, в пьесах Александра Николаевича мы найдем исследования проблем суицида («Гроза» и др.), содержанства («Бесприданница»), пьянства («Свои люди – сочтемся!»), гемблинга (игромании) («Последняя жертва»).

В основе природы преступления драматург видит греховные человеческие пороки и низкие нравственные качества – озлобленность, пьянство, чувство безнаказанности. В письме к М. Н. Островскому о возможных причинах поджога гумна в своей усадьбе в Щельковке драматург сообщает, что «побуждением к злему делу служит всегда и везде злость. [...] Второстепенные побуждения: водка и безнаказанность».

В оценке генезиса преступления Островский близок взглядам Ф. М. Достоевского, который утверждал, что зло человека – источник его несчастий. По Достоевскому, зло должно быть преодолено и побеждено, но оно дает обогащенный опыт, знание. Зло неизменно сопровождает человека, неся ему нравственные и иные страдания. «Страдание есть последствие зла. Но в страдании сгорает зло». Устранить зло в человеке нельзя «одним лишь влиянием внешних условий» – можно только от перемены нравственной.

Драматург беспощаден и к такому криминальному явлению, как мздоимство (взяточничество). Комедия «Доходное место» посвящена этому «родимому пятну» российского чиновничьего бюрократизма (рассматриваемого, кстати, современными девиантологами в качестве одной из форм отклоняющегося поведения). Написанная по окончании «мрачного семилетия» (в 1856 г.), в период, когда передовое русское общество находилось в ожидании начала демократических реформ, эта пьеса (комедия) и по сей день являет собой удивительно точный и неподражаемый психолого-криминологический портрет коррумпированного чиновничества, иллюстрирует

генезис должностной корыстной преступности. Внизу ее иерархической лестницы – молодой, но подающий надежды чиновник-мздоимец Белогубов, служащий под началом «опытного» чиновника среднего ранга Юсова – подчиненного «главного взяточника», руководителя исполнительной власти «губернского уровня» Вышневого. (Как знакомы современному читателю из материалов судебных, а чаще, к сожалению, *только* журналистских хроник, ибо до суда дело не доходит, такие организованные криминальные чиновничьи группы!)

В уста Вышневого драматург вкладывает «жизненное кредо» классического коррупционера:

«Вот тебе общественное мнение: не пойман – не вор».

Примечательно, что Островского не интересует механизм взяточничества, он исследует именно этиологию, философию стяжательства. Кстати, еще как минимум одно обстоятельство сближает крупного чиновника-мздоимца середины XIX века с его современным прототипом – оба предпочитают вкладывать несправедно нажитое в драгоценности (бриллианты), тратить на содержание «спутниц жизни», покупать дорогостоящую московскую и подмосковную недвижимость. Высокопоставленный коррупционер-чиновник Вышневова бахвалится тем обстоятельством, что его доходы позволяют делать траты, которые не по карману и купцам (то есть предпринимателям. – К. Х.).

Как великолепный знаток русского языка А. Н. Островский не смог отказать себе в удовольствии и снабдил «говорящей» фамилией одного из самых характерных персонажей своей пьесы – старого чиновника Акима Юсова (по В. И. Далю, «юс» – это приказный, подьячий, закон-пик, крюк, выросший на бумажном деле; знаток всех судейских проделок и тяжбник), ведь именно он представлен как олицетворение «традиций» и «духа» продажного чиновничества, хранитель его жизненных принципов (не проявлять

строптивности в общении со старшими по чину; «не высовываться»; своим материальным достатком, «нажитым» службой, не бравировать; препятствовать продвижению по службе образованным и честным сослуживцам. – К. Х.). Юсов сформулировал нечто вроде «золотого правила» чиновника:

«Если взял деньги, то должен сделать», «возьми так, чтобы и проситель был не обижен и чтобы ты был доволен».

Явные симпатии драматурга на стороне молодого чиновника Жадова, «из нового поколения образованных, честных людей, мучеников правды». Как большой знаток жизни и человеческой души, Островский показывает, что путь человека, желающего жить нравственно, по справедливости и порядочности, увы, не прост, надо быть готовым к тому, чтобы есть «один черный хлеб» ради жизни «без стыда, без всяких угрызений», просить у Бога и «ждать того времени, когда взяточник будет бояться суда общественного больше, чем уголовного». Бесспорно, моральную и историческую победу драматург видит на стороне именно этих «служителей Отечества».

В другом произведении, сказке *«Иван-царевич»*, Островский вывел точный, с позиции психологии и криминологии, механизм формирования мотивации взяточничества и иных должностных преступлений:

«Где жалованья нет или очень мало – там служить выгоднее; там на слуг смотрят сквозь пальцы, и разные поборы, взятки им дозволяются, и даже не очень значительное воровство».

Как это похоже на еще встречающиеся в современной России отголоски «псевдогосударственного» подхода к формированию кадрового потенциала в правоохранительных (и не только) ведомствах, когда при решении вопроса о назначении на должность и карьерном продвижении на первый план выдвигаются принципы «личной преданности», кумовства, nepотизма и прочее!

В строю «юридических» сюжетов пьес А. Н. Островского отдельное место занимает художественное освещение правовых проблем, связанных с

исполнением долговых обязательств. Чаще всего у героев Островского это долги искусственные, возникающие в силу обмана (например, фиктивного банкротства), либо в силу праздного, разгульного образа жизни (пьянство, неразборчивость в личных и семейных связях, проигрыши в карточные игры, разорение в силу бесхозяйственности и безалаберности и т. п.). Купец-самодур Большов, герой самой ранней из знаменитых пьес – «*Свои люди – сочтемся!*», или «*Банкрот*» (1849), не желая исполнять долговых обязательств перед контрагентами, объявляет себя банкротом, переписывая все свое имущество на вороватого и подлого приказчика (Подхалюзина), который при помощи проходимца-стряпчего Рисположенского получает полный контроль над всем имуществом своего «благодетеля». Большова, до урегулирования всех имущественных вопросов с кредиторами, сажают в долговую яму. Наказанием предусматривалось периодическое конвоирование заключенного по общественным местам – в назидание другим и в качестве своеобразной позорящей кары, которая могла бы стимулировать к скорейшей выплате долга. Старику Большову, ставшему жертвой собственной жадности и непорядочности, но также и жертвой алчности зятя и единственной дочери, Островский по-человечески, по-христиански сочувствует. В некоторой степени авторский подход созвучен здесь событиям знаменитой пьесы Шекспира «Венецианский купец». (Шекспир – один из самых любимых авторов Островского; в библиотеке Александра Николаевича было много произведений Шекспира, изданных на языке оригинала, и в свободное от других занятий время Островский очень любил переводы.) В «Венецианском купце» представлено понимание Шекспиром главной тенденции развития института гражданско-правовой ответственности, заключавшееся в отказе от квазивещного права кредитора на должника в целом, включая умаление чести и физического здоровья, и переходе к сугубо обязательственным притязаниям на его имущество. Договор ростовщика Шейлока, предусматривавший

«неустойку» в виде фунта мяса из тела должника – купца Антонио, в итоге был признан противоречащим не только нравственности и благопристойности, но и христианским, гуманистическим началам права. И хотя каких-либо зримых параллелей между сюжетами двух пьес нет, все-таки ощущается солидарность во взглядах на данную проблему двух великих драматургов, в разные исторические эпохи выступивших обличителями бесчеловечных законов.

Пьесы *«Лучина»* (1865) и *«Тяжелые дни»* (1863) относятся к периоду сотрудничества драматурга с редакцией *«Современника»*. Они также интересны нам своей юридической направленностью.

В *«Тяжелых днях»*. Островским выведена целая галерея «законников»: Василий Дмитриевич Дюжев (в прошлом чиновник, ныне стряпчий) – умный и жесткий юрист; профессиональный мошенник Василиск Перцов; стряпчий Харлампий Гаврилыч Мудров («дурак известный», «его лет тридцать тому назад из управы за взятки выгнали. И дела ничего не знает, он только те законы и помнит, которые при нем были...»); его «предшественник» Сахар Сахарыч («за безобразия прогнали»). Поверенные стремятся получить «благосклонность» заказчиков – купеческой семьи Брусковых. Глава этой семьи – Тит Титыч Брусков, плут и самодур, на «короткой ноге» с московской судебной властью, он часто, «как уедут куда с судейскими, да и загуляют».

Поверенный Мудров искренне радуется, когда его «благодетель» Брусков попадает в «темную историю» – «большие деньги возьму... с Тит Титыча... дурак буду, если с него мало возьмут. Он сам после смеяться будет». Профессиональное кредо этого горе-стряпчего: «Не попадаться! А попался, так платись. Наше дело все равно что игра, тут жалости нет; можно рубашку снять, так снимем». Малограмотный юрист, Мудров цинично рассуждает о представителях своей «профессии»: «Про меня говорят, что во мне человечества мало, а в других еще меньше». Он готов идти на откровенный шантаж своего клиента, только бы не лишиться гонорара.

Семья Брускова стала жертвой профессионального вымогателя Перцова (некоего прообраза современных «подстав» – криминальных ситуаций, когда мошенник инициирует происшествие, представляя себя ее жертвой).

События «*Пучины*» также разворачиваются в Москве, по замечанию автора пьесы, тридцать лет назад (то есть в 1830-е гг.). В центре повествования – семейство «патриархального» купца Боровцова (он сам, супруга, дочь и зять – «судейский» служащий Кисельников). Бессовестный делец и человек, Боровцов, обобрав зятя, обучает его жизни:

«Кому надо в суд идти, тот деньги готовит; ты не возьмешь, так другой с него возьмет... Ты вот глядишь, словно мокрая курица, а ты гляди строже... Ты сразу поставь себя барином, тогда тебе и честь другая, и доход другой... Заломил ты много с купца, он упирается; ты его к себе позови да угости хорошенько; выйдет жена твоя в шелку да бархате. Так он сейчас и догадается, что тебе мало взять нельзя».

Кисельников сопротивляется, полагая, что «стыдно мне взятки брать», хотя в его суде «все берут». Родня уговаривает молодого чиновника не стыдиться, ведь «берут взятки, ну, значит, такое заведение, так исстари пошло, ни у кого об этом и сумления нет».

В форме полуплутивого диалога между состоящими не в ладах с законом представителями различных сословий (купцом, отставным военным, ныне ростовщиком и чиновником, занимающимся банкротствами – Боровцовым, Турунтаевым и Переярковым) Островский поднимает важную для любого юриста проблему – понимание соотношения законности и справедливости, реального содержания принципов неотвратимости наказания и равенства всех перед законом («По закону или по человечеству?»).

В уста купчихи Боровцовой, наверное, вложена и позиция самого драматурга:

«Уж коли судить, так всех судить: нас судить за товар, и их судить за молоко».

События пьесы длятся почти двадцать лет, и все эти годы продолжалась служба Кисельникова в Надворном и Сиротском судах, магистрате. И везде – безденежье для честного чиновника, так как «не из жалованья служат», а с доходов от посетителей.

«Бесталанный», не умеющий жить «по правилам» и к тому же слабовольный Кисельников в итоге становится жертвой обмана, связанного с преднамеренным банкротством своего тестя, организовавшего «несчастье» с помощью Переяркова, «подставных кредиторов» и «дутых векселей».

Островский демонстрирует понимание правовой природы предпринимательства («инвестиций в бизнес», говоря современным языком) и его отличия от института займа: «инвестиции» осуществляются «на свой страх и риск», заемные деньги подлежат обязательному возврату («Ведь... не займы у тебя брал, векселя тебе не давал... ты мне на оборот дал... оборот – дело обоюдное: либо наживешь, либо проживешь», – издевательски поучает лжебанкрот Переярков своего непутевого зятя).

Беспросветная нищета приводит Кисельникова к должностному преступлению – умышленному уничтожению доказательства по гражданскому делу (за взятку в три тысячи рублей). Расплата за грехи у Островского жестока: «тронулся умом», мучаясь угрызениями совести, чиновник; полностью разорился, окончательно потеряв честь имя, купец Боровцов. Больной Кисельников готов «продать» свою единственную дочь Елизавету в содержанки богачу-соседу, ведь «стыд скоро проходит, а нужда вечно тонет...» Спасительным для его семьи стало сватовство со стороны Погуляева, разбогатевшего адвоката.

Драма *«Грех да беда на кого не живет»* (1862) посвящена семейной трагедии – супружеской измене. Уездный лавочник Краснов, полагая, что

является полнокровным хозяином своей супруги, красавицы Татьяны, неожиданно встретившей свое «увлечение молодости» – помещика Бабаева, который приехал в город на судебное заседание, – убивает ее («От мужа – только в гроб, больше никуда»).

Петербуржец Бабаев томится от скуки в уездном городишке в ожидании решения суда по делу, по-видимому, связанному с оставшимся от генеральши-матери наследством; прежде всего он озадачен тем, «как бы этим судебским, которые у них поглавнее, дать барашка в бумажке...» Погублена (и осуждена) Татьяна, не единожды согрешившая перед Богом, – выйдя замуж не по любви, да и нарушив супружескую верность. Ждет своего суда (мирского и высшего) муж-женоубийца. А жизнь уездного города течет своим чередом: ежедневно, с преферансом и водкой («играют и закусывают, так время и проводят»), заседает местное чиновничество (поочередно у городничего, судьи, стряпчего, откупщика и пр.).

Действие драмы «*Шутники*» (1864) также происходит в древней столице. Драматург делает попытку рассмотреть (выражаясь языком криминологии) генезис корыстного преступления, совершенного по мотивам крайней нужды. Нравственный выбор героев, его оценку Островский, по-видимому, оставляет на их совести, лишь невесело констатируя «житейскую мудрость» главного героя пьесы:

«Не будем ни в ком нуждаться, так и перестанут над нами шутить».

В центре повествования – семья отставного судебного чиновника Павла Прохоровича Оброшенова, сломанного жизнью, но не потерявшего остатков совести и человеческого достоинства. Вечная нужда привела к тому, что он «стал паясничать... изломался, исковеркался». Тем не менее для своей младшей дочери он ищет молодого человека – юриста нравственного поведения (Гольцова). Но последний сам стал жертвой «низменного существования» – в силу острой материальной нужды растратил опекунские деньги и ожидает

разоблачения. «Счастливым» концом для всей семьи – замужество старшей дочери, которая выходит за старика-купца Хрюкова, а де-факто – узаконенное сожительство.

Комедия *«Не было ни гроша, да вдруг алтын»* (1871) относится к периоду сотрудничества автора с «Отечественными записками». События в пьесе разворачиваются в Москве в начале 1840-х гг. Среди главных героев – мелкий стряпчий Петрович, не брезгающий ничем ради заработка (в прошлой жизни – крупный специалист по конкурсным делам Иван Петрович Самохвалов), и бывший бессовестный судебный чиновник (подьячий), а ныне безжалостный процентщик Крутицкий, который в жизни действовал по принципу: «Томил... сосал... деньги... погулять выпустил... когда все набело отчистил». Грех сребролюбия, жадность довели последнего до самоубийства.

Драматические события уже упоминавшейся пьесы *«Волки и овцы»* (1875) происходят в середине 1870-х гг. – уже в пореформенной России, в губернской глубинке». В центре «юридических» событий пьесы – группа мошенников, возглавляемая циничной помещицей Мурзавецкой при участии бывшего судьи («старого» уездного суда. – К. Х.), а ныне стряпчего Чугунова и его пособника Горецкого. С помощью «комплекса» различных «ухищрений»: написания поддельных писем и векселей, внесения недостоверных сведений (путем дописок и подчисток) в документы «бухгалтерского учета» (конторские книги) и распространения ложных слухов – Мурзавецкая хочет создать иллюзию о несуществующем на самом деле долге покойного помещика Купавина перед ее племянником и таким способом «установить контроль» за богатым соседским имением молодой вдовы Купавиной. Им противостоит юрист «нового закала» (по ироничному замечанию Беркутова, он «все больше насчет высших взглядов») почетный мировой судья Лыняев, который при поддержке столичного богача Беркутова сводит на нет все усилия провинциальных «волков». Расследование истории с фиктивными векселями ведется Лыняевым с

применением познаний из криминалистики и юридической психологии (выявление мотивов преступления с целью получения у преступника добровольного признания в его совершении, понимание способов подделки векселей).

Криминальным «подтекстом» насыщена и другая знаменитая пьеса Островского – «Бесприданница» (1878). В центре событий – «хозяева жизни»: представители крупного капитала, торговцы и судовладельцы Кнуров и Вожеватов, а также «спускающий последние капиталы» «блестящий барин» Паратовю; действие происходит в большом приволжском городе Бряхимове. Старик-миллионер Кнуров живет по принципу «Для меня невозможного мало». Выиграв девушку у Вожеватова в «орлянку», он предлагает Ларисе Огудаловой стать спутницей-содержанкой на время поездки в Париж (как это напоминает повадки «новых русских», не знающих преград в способах и возможностях удовлетворения своих прихотей: от «ангажирования оптом и в розницу» моделей, певичек и прочих представительниц шоу-бизнеса до скупки футбольных клубов, древних замков, островов и произведений искусств!) Город Бряхилов живет в ожидании «петь и плясать» на деньги кутилы-богача. Плата за отказ от этого «разврата» самая высокая – человеческая жизнь. Желает смерти (и гибнет от рук своего жениха) Лариса, сломана судьба не состоявшегося мирового судьи Карандышева.

Самоубийства. Хрестоматийным примером суицидента у Островского является Катерина («Гроза»), чье суицидальное поведение чаще всего рассматривается в литературоведении как результат конфликта с «темным царством» в лице Кабанихи, Дикого и собственного супруга. Образ Катерины – один из сложнейших в русской литературе. С одной стороны, по всем канонам своего времени она – грешница (грех блуда и грех уныния, приведший к самому страшному греху – самоубийству). Но с другой стороны, гибель Катерины подана Островским как смерть чистого душой, по сути праведного человека,

сильного духом. Представляется, что именно так, дуалистически, следует оценивать с морально-правовых позиций героиню пьесы. Примечательно, что в качестве способа самоубийства у Островского чаще всего рассматривается именно утопление.

Среди других произведений с суицидальными мотивами можно назвать «*Дикарку*» (Варя), «*Воспитанницу*» (Надя), «*Светит, да не греет*» (Василькова и Рабачев) и некоторые другие.

Пьянство. Для драматурга Островского пьянство является общим фоном «бытописания», «стилем жизни», повседневной нормой существования героев во многих пьесах, причем в «безудержное веселье» оказываются вовлечены представители всех без исключения слоев и социальных групп общества: от именитого купечества и мещанства (Большов и Рисположенский, «*Свои люди – сочтемся!*») до бродяг и крестьян (Манефа, «*На всякого мудреца довольно простоты*»). Пьянство, по Островскому, – неотъемлемая сугубо отрицательная черта современного ему домостроевского «темного царства». В этом плане у драматурга целая вереница ярких, запоминающихся образов: блистательные аристократы-дворяне, ставшие закоренелыми пьяницами, промотавшими свои состояния; опустившиеся мещане и государственные служащие, превратившиеся в «ходатаев и стряпчих»; именитое купечество, благообразное внешне, «по форме», но знаменитое своими свирепыми загулами, сопровождающимися безудержным самодурством. Злоупотребление спиртным – причина (следствие) многих трагических поступков героев (преступления, распад семейных уз, нравственное разложение). Красноречивы безобразные пьяные оргии «купеческих сынков» – таких смиренных на глазах у «маменек» и «тятенек»! Показательно, что главные положительные герои пьес Островского – Васильков («*Бешеные деньги*»), Жадов («*Доходное место*»), Глумов («*На всякого мудреца довольно простоты*») изображены противниками такого времяпрепровождения.

Пьянство, зачастую безудержное, у Островского неотъемлемый элемент «дикой» патриархальности современного ему общества. В литературных записях Островского, относящихся к 1870-м гг., мы находим следующее:

«...Пьянство и вообще одурение есть необходимый спутник бедности и невежества. [...] Правительство, если хочет быть честно, должно признаться, что оно не в состоянии уничтожить причин пьянства, и уже не смеет отнимать у народа его последней радости».

Впрочем, сам драматург не чурался горячительных напитков в компании близких ему людей.

Содержанство. Аморальными социальными явлениями русской жизни послереформенного периода стали *содержанство* и *альфонсизм*, с развитием буржуазных отношений в лично-имущественной сфере получившие широкое распространение.

Дульчин («*Последняя жертва*») прослеживает в себе многие признаки типичного жиголо, игрока-альфонса; Кнуров из «Бесприданницы», Хрюков («*Шутники*») понравившимся им молодым женщинам, которые испытывают материальные трудности, открыто предлагают содержанство.

Игромания. К середине XIX века особое развитие получила коммерциализация различных игр в карты (преферанс, «мушка», «рамс», «безик», «макао», «баккара», «винт», «дурачок»). Карточная игра была двойного рода: «коммерческая» и азартная. В крупнейших закрытых клубах столиц (Английском, Сельскохозяйственном, Морском яхт-клубе), в известных ресторанах, частных усадьбах непрерывно шла игра, в ходе которой просаживались целые семейные состояния, крупные денежные суммы в десятки и сотни тысяч рублей, недвижимость... Карточные игры были широко распространены среди всех слоев городского населения. Зачастую выигрыш доставался профессиональным игрокам и мошенникам (шулерам). Именно последние составляли в дореволюционной России самую престижную

воровскую касту – «игроков». Болезненное пристрастие к игре (гемблинг, игромания; ее этиология вполне изучена современными девиантологами и психиатрами), увлечение карточными играми «на деньги» (прежде всего в крупных городах) имело и другую сторону медали – распространение особого ростовщичества, специализировавшегося на выдаче «невезучим игрокам» ссуд под грабительский процент. Одним из первых в русской литературе (вслед за А. С. Пушкиным, Н. В. Гоголем и Ф. М. Достоевским) Островский рассмотрел и описал «игроков» и игроманию как опасное и аморальное явление («*Последняя жертва*»).

Девиантологические исследования А. Н. Островского. С именем уже упоминавшегося А. А. Потехина связана одна из интересных страниц в биографии Островского – участие в литературно-этнографической экспедиции по районам Поволжья «с целью изучения быта прибрежных обитателей Волги, занимающихся рыболовством и судоходством», проходившей в 1856–1857 гг. по заказу Морского министерства и личной инициативе великого князя Константина Николаевича. Островский выбрал маршрут от истоков Волги до Нижнего Новгорода. Молодой драматург исследовал быт, нравы и обычаи местного населения, и в том числе, выражаясь современным языком, субкультуру преступного мира, включая жаргон профессиональных преступников. Собранные материалы легли в основу «*Путевых заметок*» (1856–1857) и «*Словаря*» (материалов для словаря русского народного языка) (1856–1886).

«Путевые заметки», по сути, представляют собой добротный отчет о результатах специально организованного регионального социологического исследования. Профессиональный интерес Островского вызвали и те негативные общественные явления, которые в настоящее время являются предметом моральной (криминологической) статистики. Так, описывая промышленное производство и народный быт Тверской губернии, в частности г.

Торжка, Островский указывает на полный упадок золотошвейных ремесел, в которых были заняты преимущественно молодые женщины, и следствием этого называет их трудовую миграцию в другие районы губернии, сопровождающуюся «развратом и его следствиями». Анализ состояния хозяйства всей губернии Островский подытожил интересным социологическим выводом: статус «бойкого места», «коридора между Петербургом и Москвой» мешает развитию местной промышленности – население стремится «к легкому приобретению, доставляемому огромным проездом», в городе «много веселья и мало довольства, много пьянства и плохое хозяйство».

В «Словаре» можно найти весьма любопытные сведения о некоторых существовавших в России середины позапрошлого века преступных профессиях, например о сообществе карманщиков (карманных воров):

«В Харькове, при воровстве в вокзалах и вагонах, они разделяются на три категории: мастера – настоящие карманщики, самые ловкие и искусные; подручные, еще не вполне искусные, но хорошие помощники мастерам. Каждый мастер имеет своего подручного. Затырчики или двигатели – они при кражах составляют толпу, теснят намеченную жертву и тем способствуют краже».

Интересны в криминологическом плане и многие другие оценки Островского, касающиеся устройства быта и поведения населения Поволжья. Оказывается, еще в середине позапрошлого века острой правовой проблемой была безуспешная борьба с незаконным ловом (вытравливанием) рыбы в Волге. Отравы (окормка) рыбы в то время каралась уголовным законом (ст. 1142 Уложения о наказаниях), однако «это баловство водится по всей России, и в Торжке также не без греха». По мнению Островского, причина правового бессилия властей – в отсутствии превентивных мер, в частности по запрету продажи главного орудия браконьеров: ядовитых плодов растения кукольвана, используемого в качестве отравы для рыбы, «которым торгуют почти открыто».

За более чем полтора века усовершенствовались способы браконьерства, изменилась его криминологическая и криминалистическая характеристики, а проблема защиты рыбных ресурсов великой русской реки Волги от браконьеров как была, так и остается актуальной и по сию пору!

А. Н. Островский – руководитель Общества русских драматических писателей. В ноябре 1870 г. Островский присутствовал в Москве на учредительном собрании Общества русских драматических писателей, ставшего первым в России авторско-правовым обществом (первоначально именовалось Собрание русских драматических писателей), сыгравшим впоследствии выдающуюся роль в профессиональном единении отечественных драматургов. А. Н. Островскому довелось возглавлять его до самой смерти. Здесь проявились его лучшие качества как руководителя и яростного защитника профессиональных интересов коллег по «театральному цеху».

На протяжении всей своей жизни Островский вел непримиримую борьбу с недобросовестными антрепренерами, использовавшими пробелы в гражданском праве и не выплачивавшими вознаграждения авторам пьес, лишая тем самым авторов-драматургов основного источника существования. Островский, как председатель Общества, добился в защите интеллектуальной собственности драматургов значительных успехов и международного (!) признания. Уже в 1875 г. он получил от старейшего в мире французского Общества драматических писателей и композиторов письмо с предложением заключить Конвенцию о сотрудничестве, что положило начало международным контактам России в области авторского права. В том же году к Обществу присоединились композиторы во главе с Н.А. Римским-Корсаковым, создав Общество русских драматических писателей и оперных композиторов – первое универсальное авторско-правовое объединение, управляющее авторскими правами своих членов на коллективной основе (нынешним его правопреемником можно рассматривать Российское авторское общество).

Однако этому предшествовали годы напряженной борьбы. С начала 1870-х гг. Островский вел значительную агитационную работу по вовлечению в Общество новых членов-авторов. В одном из писем к своему другу и единомышленнику актеру Ф. А. Бурдину он сообщает, что «уже заключены условия почти со всей Россией». Московским и петербургским драматургам Островский предлагал передать Обществу охрану своих авторских прав.

Кипучая деятельность Александра Николаевича вскоре принесла положительные результаты. Отношения драматических писателей с московским и петербургским императорскими театрами определялись Положением 1827 г., согласно которому оплата авторского вознаграждения полностью зависела от дирекции театров. На сцены частных антреприз Положение не распространялось, и поэтому антрепренеры расценивали это обстоятельство как основание для «бесплатных» постановок. Итогом совместной с Обществом законотворческой деятельности Островского стала подготовленная им в 1869 г. *Записка об авторских правах драматических писателей*, в которой он предложил установить положение «о вознаграждении сочинителя и переводчика драматических пьес и опер, когда они будут приняты для представления на Императорских театрах», – таким образом, вносился ряд дополнительных изменений в Положение 1827 г., «не соответствующего современным потребностям». Чтобы избежать двусмысленности в толковании терминов и выражений, Островский предложил разъяснить в Положении некоторые моменты, например: «Дирекция имперских театров пьес в собственность не приобретала, право собственности всегда оставалось за авторами пьес» и др. Выступил он и против такого положения, когда со смертью автора прекращалось право на его литературную собственность, каковая не могла отойти по наследству детям. Кроме того, были выявлены проблемы, связанные с произвольным уменьшением авторской платы; унифицированы формы и основания выплат вознаграждений – «какие переводы пьес принимать за плату

и какие за единовременные вознаграждения». В этой работе Островский проявил себя хорошим знатоком современного ему гражданского (авторского) и уголовного права. Так, в Уложении о наказаниях 1832 г. существовала норма, запрещающая исполнение драматических произведений без согласия автора. Именно со ссылкой на данную норму права Общество и потребовало от содержателей частных театров и клубов запретить платные представления пьес членов Общества без согласия авторов либо их уполномоченных; соответствующие обращения были направлены и губернаторам российских провинций. Инициаторами и авторами обращений выступало как непосредственно руководство Общества, так и нанятые им в губерниях представители, в том числе адвокаты.

Киевским агентом Общества с 1877 г. и на протяжении много лет был адвокат *Павел Аркадьевич Андреевский* (1850–1890). То, что Островский и другие руководители Общества сделали выбор в отношении его, по-видимому, не случайное обстоятельство: П. А. Андреевский был также известен современникам как фельетонист, критик и драматург. Его старший брат, *Сергей Аркадьевич Андреевский* (1847–1918), – знаменитый адвокат «первого призыва», прекрасный поэт, стихотворениями и защитительными речами которого восторгались И. С. Тургенев, И. Е. Репин, А. П. Чехов. Сведений о личном знакомстве с ним Островского у нас нет.

Петербургским поверенным Общества с 1881 г. был столичный адвокат *Владимир Александрович Александров* (1856–?), однофамилец (?) знаменитого адвоката того времени *Петра Акимовича Александрова* (1830–1893); с В. А. Александровым Островский состоял в переписке.

В Костромской губернии обязанности агента-поверенного исполнял местный литератор и редактор газеты *Павел Иванович Андроников* (1835–1888). Фамилия Андроников для дореволюционной России была очень даже «адвокатской». Другой ее обладатель – *Луарсаб Николаевич Андроников*

(*Андроникашвили*) (1872–1939) – знаменитый петербургский адвокат, большой специалист по «политическим» делам, наставник будущего светила отечественной юриспруденции профессора Б. С. Утевского и отец народного артиста СССР И. Л. Андроникова.

Не все клубы и театры сразу согласились на условия Общества. В этой связи представляет большой интерес переписка Островского с В. И. Родиславским и И. М. Кондратьевым – секретарями Общества тех лет. Из нее мы узнаем, что Киевский и Тифлисский театры продолжали играть беспопытно (июнь 1871 г.). В 1872 г. Общество впервые прибегло к помощи суда – возбуждено уголовное дело против одного из столичных содержателей балагана Малафеева, закончившееся приговором окружного суда: два месяца тюрьмы; приговор быстро возымел действие на несговорчивых антрепренеров. Однако последние сдаваться не хотели. В марте 1874 г. в «Судебном вестнике» адвокат М. Гольденвейзер (предположительно родственник знаменитого адвоката-криминалиста, многолетнего руководителя киевской адвокатуры Александра Соломоновича Гольденвейзера) публикует статью «Право литературной собственности на драматические произведения», в которой отстаивает мнение о незаконном характере взимания авторского гонорара за пьесы в провинциальных театрах. Островский предлагает поручить написание ответа от имени Общества кому-либо из известных адвокатов, но затем, не дожидаясь помощи со стороны профессиональных юристов, сам садится за статью «*Мишура в “Судебном вестнике”*» (лето 1874 г.), для чего ему пришлось проработать специальную юридическую литературу по данному вопросу, в том числе труды выдающегося российско-польского ученого-юриста, писателя и знаменитого адвоката «первой волны» *Владимира Даниловича Спасовича* (1829–1906) «Права авторские и контрафакция» и «О праве литературной собственности». К счастью для драматургов, возобладала их позиция – 30 июля 1874 г. Устав Общества был утвержден Министерством внутренних дел, и

авторское право драматургов получило официальное признание. Однако война Общества с недобросовестными провинциальными постановщиками на этом не закончилась: в 1880 г. Ковенской уголовной палатой был осужден некий антрепренер Иванов, прозванный актерами «палачом»; в 1881 г. Красноярский окружной суд приговорил к двум месяцам содержания в тюрьме антрепренера Федорова за постановку без разрешения Общества пьесы «На узелки».

Новое (временное) Положение (взамен Положения от 1827 г.) о вознаграждении авторов было утверждено лишь 21 марта 1882 г. (хотя еще в 1872 г. высочайше было признано не соответствующим современным условиям), но и оно породило немало проблем в вопросах вознаграждения авторов за ранее написанные и уже переданные в театры пьесы. В 1882–1883 гг. в борьбе за права драматургов Островский был вынужден вернуться к проверенному им эпистолярному жанру – он обращается с письмами к управляющему Московской конторой императорских театров П. М. Пчельникову и директору императорских театров И. А. Всеволожскому, в которых не хуже поверенного, специализирующегося в области авторского права, приводит блестящий экономико-правовой анализ спорных пунктов нового Положения, и в частности крайне невыгодного, если не сказать абсурдного, для драматургов требования выкупа пьес у частных театров, под угрозой выплаты штрафа, в целях обеспечения права двухлетней монополии на пьесы со стороны императорских театров. И в этом непростом вопросе победа осталась за драматургом.

С профессиональной деятельностью Островского-драматурга неразрывно связаны его взаимоотношения с цензурой. Применительно к публикациям и театральным постановкам драматических произведений цензор был вынужденным спутником драматурга в течение всей писательской жизни. Широко известно, что большинство произведений Островского увидели свет далеко не с первой попытки, лишь после устранения замечаний цензора. По

моим подсчетам, сделанным на основании изучения истории создания произведений Островского и их творческой судьбы, в общей сложности драматург получил несколько десятков запретов на издание и постановку своих произведений по цензурным соображениям. И эта ситуация полностью соответствовала действовавшему в тот период законодательству.

Начало XIX века было отмечено принятием самого либерального Устава о цензуре (1804), которым основные цензурные функции были переданы в компетенцию Министерства полиции. Но даже в нем содержались многочисленные запреты – например, на бесцензурное печатание судебных записок, публикацию статистики об убийствах и самоубийствах. Второй, 1826 г., и третий, 1828 г., цензурные Уставы были более суровыми, цензура сосредотачивалась в особом ведомстве, возглавляемом верховным цензурным комитетом, в который входили министры народного просвещения, иностранных и внутренних дел. Запретительными статьями (например, ст. 12) вопросы внутренней жизни страны были фактически изъяты из обсуждения. В 1848 г. был учрежден особый негласный комитет как высшее цензурное учреждение: цензура лютовала, начиналось «мрачное семилетие» – усиление реакции во внутренней и внешней политике страны. Лишь после провалов во внешней политике (поражения России в Крымской войне) государство изменило свое отношение к задачам цензурных органов: «Оглашение в печатных сочинениях и журнальных статьях о существующих беспорядках может быть полезным в том отношении, что этим способом предоставляется правительству возможность получать сведения независимо от официальных источников и некоторые из этих сведений могут служить поводом к проверке сведений официальных и к принятию надлежащих по усмотрению мер». В 1862 г. цензура была передана в ведение Министерства внутренних дел, в том же году введены временные правила по цензуре, переработанные в 1865 г. В число цензурных правил входил, в частности, запрет на печатание имен лиц и наименований мест и

учреждений, в которых происходят описываемые недостатки и злоупотребления администрации. Цензурные правила 1882 и 1885 гг. предоставили административной власти дополнительные полномочия.

А. Н. Островский и юридические корпорации (адвокатура, суд, прокуратура). Российские самодержцы – Петр Великий, Екатерина II и Николай I относились к адвокатскому сословию откровенно враждебно. В дореформенной России некое подобие роли адвокатов играли стряпчие и поверенные (ходатаи), статус и функции которых законодательно определены не были. В общем виде законодательство устанавливало, что стряпчие объединяются и действуют при коммерческих судах и по их усмотрению, а ходатаями (поверенными) могут быть любые вольнопрактикующие лица. Именно такой правовой неопределенностью статуса дореформенных «адвокатов» можно объяснить исключительную пестроту социального слоя, их представлявшего (разорившиеся купцы, несостоявшиеся юристы, приказчики, отставные военные, уволенные, в том числе по дискредитирующим основаниям, чиновники и др.). Уровень профессиональной подготовки, деловые и морально-нравственные качества представителей сторон, а соответственно, и их общественная репутация были ужасающими. Впрочем, и весь дореформенный суд иначе как одиозным считаться не мог. Поэтому новая присяжная адвокатура решительно отменила наличие какой-либо родственной связи со своими предшественниками.

Как самоуправляющаяся корпорация присяжных поверенных адвокатура появилась в соответствии с Судебными уставами 20 ноября 1864 г. Присяжными поверенными могли быть лица, имеющие высшее юридическое образование и не менее чем пятилетний стаж службы по судебному ведомству, за исключением иностранцев, состоящих на государственной службе, осужденных и некоторых других категорий. При вступлении в сословие присяжные поверенные давали клятву; был у них и свой знак отличия – особый

серебряный знак в петлицу. Права и обязанности присяжных поверенных строго регламентировались: «Присяжные поверенные состоят при судебных местах для занятия делами по избранию и поручению тяжущихся, обвиняемых и других лиц, в деле участвующих, а также по назначению, в определенных случаях, Советов присяжных поверенных и председателей судебных мест» (ст. 353–355 Уставов).

Наряду с присяжными поверенными в пореформенной России, в соответствии с Законом от 25 мая 1874 г., появились (точнее, были узаконены) частные поверенные, также имевшие право работать в судах, но только по незначительным делам, и после сдачи в специального экзамена по проверке юридических знаний. Частными поверенными могли быть граждане, не имевшие юридического образования.

Островский хорошо знал суть и традиции адвокатской профессии, равно как и иных – прокурорской и судейской, знал, что называется, изнутри. Его отец был успешным судебным стряпчим, кроме того, секреты адвокатской профессии он познавал, будучи чиновником Коммерческого суда и почетным мировым судьей, а также общаясь с адвокатами и учеными-юристами на протяжении многих лет. До нас дошли отрывочные сведения о небольшой частной юридической практике драматурга. Так, в феврале 1849 г. Островский вместе со своим приятелем Эдельсоном находился в Самаре (в 20-дневном отпуске), куда был приглашен в качестве частного поверенного одной московской барыни (В. З. Головиной-Ворониной (?)).

Учитывая все это, нет ничего удивительного в том, что героями многих пьес Островского являются представители отечественной адвокатуры – как дореформенной, так и пореформенной (первые присяжные поверенные появились в России весной 1866 г.). Пожалуй, первой пьесой, где автор специально останавливается на суде присяжных, является знаменитая *«На всякого мудреца довольно простоты»*, написанная осенью 1868 г.

Показательно, что обсуждение деталей судебного процесса происходит между ретроградкой Турусиной и болтуном-«либералом» Городулиным. Последний представлен как сторонник нового суда. Интересно, что, по Городулину, суд присяжных не пошел на поводу у одного из лучших адвокатов, у которого «красноречие лилось, клубилось, выходило из берегов», а внял собранным доказательствам вины подсудимых в тяжких преступлениях, включая убийство путем отравления. Истина установлена, справедливость восторжествовала, новый суд показал свою эффективность.

Собирательный образ поверенного (стряпчего), эдакого представителя «крапивного семени», по Островскому, явно не в пользу адвокатской профессии (как, впрочем, и созданные им негативные образы иных представителей юридической профессии). Если разобраться в сюжетах его пьес и времени, описываемом в них, то ничего удивительного мы не найдем – все обличения Островского адресованы прежде всего «старой» юстиции, тем одиозным «ходатаям и стряпчим», лихоимствующим судебским и прокурорским чиновникам, авторитет которых в современной ему России был крайне невысок и являлся предметом жестокой критики и злой сатиры со стороны практически всех слоев общества, включая писательскую среду. А вот новое поколение юристов – «птенцов» судебных реформ 1860-х гг., в том числе присяжную адвокатуру (громко заявившую о себе уже в 1870-е гг.), Островский почему-то своим вниманием в пьесах практически обошел. Не видим мы в его пьесах эдакого Жадова в судебской мантии, либо в прокурорском мундире, либо с адвокатским значком! Объяснений этому может быть несколько.

Возможно, не следует забывать о личных обидах, нанесенных молодому Островскому известными жизненными обстоятельствами (учеба на юридическом факультете под давлением со стороны отца, вынужденный уход из университета, родительские упреки в занятии драматургией в ущерб карьере чиновника-юриста), и переживаниях, связанных с юридической профессией.

Согласно легенде, до сих пор бытующей в среде музейных сотрудников, «Островский терпеть не мог юристов» (я услышал это в 2003 г. от И. Постниковой). Главная же причина такой оценки «цеха» юристов, очевидно, кроется в провидческом даре драматурга, точности его человеческого, христианского мироощущения: понимании им преходящих «страстей и страстишек» и сопротивлении грехам – тщеславию, гордости, корыстолюбию, озлоблению, зависти, лени, блуду, чревоугодию, включая пьянство, непочтанию родителей, святотатству. Со времен Островского сменилась не одна эпоха (капитализм, социализм, государство с рыночной экономикой), а российские (только ли ?!) юридические беды все те же – низкая правовая культура населения, «крюкотворство и бездушие» судебных и иных «присутствий», «лихоимство и мздоимство» (притча во языцех применительно к работе правоохранительных органов в центре и на местах) и т. д. и т. п. Поэтому-то и не спешил, наверное, Островский с Жадовым-юристом...

Современный исследователь творчества Островского и русского драматического театра профессор В. И. Мильдон, подводя итоги собственного исследования философии драматургии Островского, весьма точно подметил, что сценический мир этого драматурга в целом отобразил нравы «Домостроя» как *вечные*. Пронзительны выводы ученого, основанные на анализе связи эпохи, отображенной в творчестве Островского, и нашей современности, о наличии прямой зависимости между менталитетом русской семьи (в контексте домостроевских нравов и правил) и отношениями внутри общества: «Когда глава государства – отец, а подданные – дети, это создает условия и для безграничного произвола власти и вырабатывает привычку... уповать на милость, а не добиваться справедливости»; «в системе отношений “человек – власть” не видно существенных перемен, способных влиять на учреждения, с которыми связана каждодневная жизнь [...] самостоятельная деятельность возможна, как правило, в одном случае: если человек заодно с властью».

Будущее России, по мнению Мильдона, драматург видел в преодолении обществом «доиндивидуально-коллективистского наследия»; москвич (россиянин) «никогда не дышал свободным воздухом: состояние рабства [...] является для него исторически привычным, почти естественным», «такому-то (москвичу. – К. Х.) и противостоит все его творчество художника. Значение драматурга для наших дней заключается, прежде всего, в том, что именно от такого “москвича” следует избавляться в себе, утверждая и культивируя взгляд на человека-индивида, как бы это ни противоречило вековечным социальным инстинктам народа».

Хотелось бы предложить в качестве дополнения к приведенным словам маститого литературоведа следующее: Островский в своих произведениях боролся *против внутреннего и внешнего рабства человека, но в защиту истинного христианина*. Слишком далеки многие герои пьес Островского (да и мы, россияне XXI века) от подлинного христианского поведения и исполнения Закона Божьего. Ссылки на заповеди и формальные обращения к Богу, звучащие из наших уст, не больше чем слова, сказанные всуе, дань традиции, проявление внешнего обрядоверия и не более того.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А. И. Музы и право. – М., 2003.

Батулин Ю. М. Цензура против гласности: от Ивана Грозного до 1917 года // Советское государство и право. – 1989. – № 3.

Библиотека А. Н. Островского (описание). – М., 1963.

Варенцов Н. А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. – М, 1999.

Гилинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». – СПб., 2004.

Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. – М., 1990.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 1999.

Ефремова Н. Н. Судостроительство в России XVIII – первой половине XIX века (историко-правовое исследование). – М., 1993.

Кашин. Я. Откуда взял Островский фамилию Юсова? // А. Н. Островский. Новые материалы. Письма. Труды и дни. Статьи. – Л., 1924.

Колер Й. Шекспир с точки зрения права; пер. с нем. – М., 2006.

Кони А. Ф. Собр. соч.: в 8 т. – М., 1966–1969.

Кропачев Н. А. Воспоминания // А. Н. Островский в воспоминаниях современников.

Лакшин В. Я. А. Н. Островский; 3-е изд. – М., 2004.

Лобанов М. П. Александр Островский. (Серия «ЖЗЛ»). – М., 1979.

Мигунова Т. Л. Система судебных учреждений по «Уложению о губерниях» 1775 г. Спецкурс. – Н. Новгород, 2001.

Мильдон В. И. Философия русской драмы: мир Островского. – М., 2007.

Михневич В. Язвы Петербурга. Опыт историко-статистического исследования нравственности столичного населения. – СПб., 2003.

Модзалевский Б. Л. О братьях и сестрах Островского // А. Н. Островский. Новые материалы. Письма. Труды и дни. Статьи. – Л., 1924.

Островский А. Н. Полн. собр. соч.: в 12 т.; под общ. ред. Г. И. Владыкина и др. – М., 1973–1980.

Папаян Р. А. Христианские корни современного права. М., 2002

Письма к Островскому В. И. Родиславского и И. М. Кондратьева; обзор Т. М. Ельницкой // Литературное наследство. Д. Н. Островский. Новые материалы и исследования. – М., 1974.

Ревякин А. И. А. Н. Островский в Щелькове; 2-е изд. – М., 1978.

Ревякин А. И. А. Н. Островский: жизнь и творчество. – М., 1949.

Ревякин А. И. Москва в жизни и творчестве А. Н. Островского. – М., 1962.

Ревякин А. И. Островский и современники. – М., 1931.

Семевский М. И. Воспоминания // А. Н. Островский в воспоминаниях современников. – М., 1966.

Социальные отклонения. – М., 1989; Старый и новый суд в изображении Ивана Федоровича Горбунова // *Кони А. Ф.* Отцы и дети Судебной реформы: К пятидесятилетию Судебных уставов. – М., 2003.

Сурмачев О. Кто он, основатель «театра Корша» // Российский адвокат. – 2005. – № 2.

Сысоев В. Д. Плоды неправого суда // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – 2003. – № 2–3.

Тер-Акопов А. А. Христианство. Государство. Право. К 2000-летию христианства. – М., 2000.

Тер-Акопов А. А., Толкаченко А. А. Библейские заповеди: христианство как метаправо современных правовых систем // Российская юстиция. – 2002. – № 6.

Толкаченко А. А. Нравственно-правовые уроки Ф. М. Достоевского // Российская юстиция. – 2007. – № 1.

Троицкий Н. А. Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. – Тула, 2000.

Шеф сыскной полиции Санкт-Петербурга Иван Дмитриевич Путилин. Соч.: в 2 т.; авторы-составители Д. К. Нечевин, Л. И. Беляева. – М., 2003.

Щербакова М.И. С.В. Максимов Очерк творчества. М.: 1996.